
ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА.

Реконструкция первой главы «Немецкой идеологии»¹.

Г. А. Багатурия

Немного «философии»

В научном исследовании важны не только его содержание и результат, но и то, как оно было проведено, его методология.

В «Капитале» применительно к процессу труда Маркс писал: «Процесс угасает в продукте»². Это утверждение справедливо и в отношении умственного труда и его продуктов. Процесс исследования угасает в полученном результате. По одним только результатам исследования невозможно установить, как, каким путем, с помощью каких приемов, каким методом оно было осуществлено.

Обычно, когда идет процесс исследования, его методологическая сторона не осознается в такой степени, в какой это может быть сделано после завершения самой работы. Вульгарно говоря, у исследователя, как правило, нет времени для того, чтобы «философствовать» по поводу своей работы, даже если он к этому запытию и склонен.

¹ Отдельные стороны проблемы, которая является предметом данной работы, рассматриваются более подробно в других статьях автора: «К истории написания, опубликования и исследования „Немецкой идеологии“ Маркса и Энгельса» («Из истории формирования и развития марксизма. Материалы научных сессий». М., 1959); «Тезисы о Фейербахе» и «Немецкая идеология» (см. издаваемый Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», № 12, 1965). «Структура и содержание рукописи первой главы „Немецкой идеологии“ К. Маркса и Ф. Энгельса» («Вопросы философии», 1965, № 10); «Первое великое открытие Маркса. Формирование и развитие материалистического понимания истории» («Маркс-историк». М., 1968).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 191.

В 1963 и 1965 гг. было осуществлено новое исследование рукописи «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса³. Одним из главных результатов этого явилась новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»⁴.

Как будет показано, в истории советского марксведения уже имело место более или менее аналогичные работы. В этом смысле новое исследование «Немецкой идеологии» не является чем-то исключительным. Наоборот, оно должно рассматриваться лишь как один из примеров исследовательской работы в области истории марксизма. Аналогичные работы, и притом гораздо бóльшие по объему и более сложные по характеру, уже были выполнены в прошлом. Подобные работы, безусловно, будут иметь место и в будущем. Новое исследование отличается от всех остальных прежде всего тем, что относится к самому последнему времени.

Вместе с тем, поскольку опыт изучения рукописного наследства Маркса и Энгельса представляет определенный интерес с точки зрения методологии, постольку его значение выходит за пределы собственно истории марксизма.

Попытаемся чисто эмпирически проследить, как развивалось новое исследование «Немецкой идеологии», и осмыслить отдельные моменты методологической стороны этого процесса. Быть может, такое размышление над процессом, который уже угас в своем результате, окажется небесполезным.

Формулировка проблемы

Существует интересная закономерность: первоначальная цель и конечный результат исследования, искомое и найденное, как правило, в большей или меньшей степени не совпадают. Довольно часто находят то, чего даже и не искали. Нечто подобное произошло и при новом исследовании «Немецкой идеологии».

Исходным пунктом был вопрос о степени зрелости «Немецкой идеологии», или, точнее и шире, о месте этого произведения в истории марксизма. Этот вопрос возник еще в 1953—1955 гг., в период подготовки к изданию «Немецкой идеологии» в 3-м томе

³ Исследование «Немецкой идеологии» проводилось уже несколько десятилетий и насчитывает сотни работ. Критический анализ проделанной учеными работы представляет собой специальную и довольно сложную проблему. Но он не является целью статьи. В ней рассматривается только новое исследование рукописи «Немецкой идеологии», осуществленное в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС за последние годы. Оно, естественно, опиралось на все предшествующие достижения в этой области. В связи с этим здесь затрагиваются лишь отдельные моменты общей истории исследования «Немецкой идеологии».

⁴ «Вопросы философии», 1965, №№ 10, 11; К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в трех томах, т. I. М., 1966.

Сочинений Маркса и Энгельса. Он встал с новой силой в 1963 г., когда началась работа над соответствующим разделом биографии Маркса.

Самая первоначальная формулировка проблемы выглядела так. Известно, что Маркс и Энгельс, а вслед за ними и Ленин называли первыми зрелыми произведениями марксизма «Нищету философии» и «Манифест Коммунистической партии»⁵. «Немецкая идеология» непосредственно предшествует этим произведениям. Полностью она была опубликована только в 1932 г. При жизни Маркса и Энгельса о существовании этой рукописи знали лишь немногие. Ленин не мог читать ни всей работы в целом, ни ее важнейшей первой главы. Как в таком случае должны оценивать теперь эту работу мы? Является ли «Немецкая идеология» произведением зрелого марксизма, подобно «Нищете философии» и «Манифесту Коммунистической партии» или нет? В нашей литературе существовали различные точки зрения. Сразу после первой полной публикации «Немецкой идеологии» о ней писали как о первом произведении зрелого марксизма⁶. Впоследствии от этой оценки отказались⁷. Итак, какова степень зрелости «Немецкой идеологии» или, если не формулировать проблему столь упрощенно, каково место «Немецкой идеологии» в истории марксизма?

С постановки этого вопроса и начинается новое исследование. Решать этот вопрос можно было различными способами. Можно было пойти чисто умозрительным путем. Но при таком подходе намечалась тенденция свести некоторую реальную проблему к чисто терминологическому вопросу: что считать зрелым и что незрелым. Более перспективным представлялся другой путь.

Нетрудно заметить, что, как правило, новые научные выводы являются результатом новых данных, которые получает исследователь; что переосмысление известных фактов становится обычно возможным тогда, когда появляются некоторые новые факты. Одним словом, чтобы получить новое обобщение, необходимо собрать новую информацию.

С «Немецкой идеологией» дело обстояло следующим образом. Соответствующие оценки классиков марксизма были различными авторами уже учтены. Содержание самого произведения в общем и целом изучено. Определенные сопоставления с другими произведениями периода формирования марксизма проведены. История «Немецкой идеологии» в общих чертах выяснена. Как показала дальнейшая работа, все эти аспекты изучения можно было исполь-

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 8; т. 20, стр. 9; В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 22.

⁶ Б. Быховский. Враги и фальсификаторы марксизма. М.—Л., 1933, стр. 83.

⁷ См., например, БСЭ, изд. 2, т. 29 (1954 г.), стр. 401; «История философии», т. III. М., 1959, стр. 68.

зовать, поскольку и они не были еще исчерпаны. Но наибольшие результаты должно было дать изучение того же самого предмета с некоторой новой стороны. Найдя новый аспект исследования, можно было надеяться на более быстрое выявление новых фактов, которые дали бы возможность по-новому осветить и понять исследуемый предмет. И такой новый аспект удалось найти. Поиски его велись в самых разнообразных направлениях. Ведь одна из типичных психологических ошибок исследователя — неправильное определение области поисков, в частности неоправданное и обычно неосознанное ее сужение. Поэтому с самого начала было сознательное стремление максимально расширить поисковую область. Изучалось содержание «Немецкой идеологии» и само по себе, и в сопоставлении с другими произведениями Маркса и Энгельса. Изучалась история написания «Немецкой идеологии» и сама по себе, и в контексте всего периода формирования марксизма. При этом использовались самые разнообразные средства изучения: и рукопись «Немецкой идеологии», и архивные материалы, и та литература, которую используют или подвергают критике Маркс и Энгельс, и обширная литература о «Немецкой идеологии», книги, журналы, газеты, письма — все, что только возможно и что было доступно. Все это напоминало не прицельный огонь, а стрельбу по определенным площадям. Расчет был на то, что в конце концов сработают не только динамические, но и статистические закономерности поиска.

Наконец, действительно с двух различных сторон стал определяться новый подход к исследуемой проблеме.

С одной стороны, анализ содержания «Немецкой идеологии» показывал, что высказывания об одном и том же, но сделанные в различных местах этой обширной рукописи, по своему содержанию не вполне совпадают. Анализ терминологии выявлял определенную «неустойчивость», ее, нестабильность, динамику. Сопоставление различных высказываний в «Немецкой идеологии» с аналогичными высказываниям в последующих произведениях Маркса и Энгельса показывало различную степень близости их по содержанию, и притом в зависимости от того, где в «Немецкой идеологии» то или иное высказывание расположено. Все это наводило на мысль о различной степени зрелости различных частей рукописи.

С другой стороны, в ходе подготовки 3-го тома Сочинений Маркса и Энгельса были уточнены наши представления о времени работы Маркса и Энгельса над «Немецкой идеологией». Вырисовывалась такая картина: непосредственно над дошедшей до нас рукописью они работали с осени 1845 г. до лета 1846 г., т. е. полгода или несколько больше; но от первоначального замысла весной 1845 г. до последних дополнений весной 1847 г. прошло не менее двух лет. И это в период формирования марксизма, когда взгляды Маркса и Энгельса развивались столь стремительно, что не только годы, но и месяцы имели значение. Сравните, напри-

мер, «Святое семейство» (работа над рукописью закончена в ноябре 1844 г., книга вышла в свет в феврале 1845 г.) и «Тезисы о Фейербахе» (написаны, по всей вероятности, в апреле 1845 г.⁸). В первом еще явно чувствуется «культ Фейербаха», в тезисах — полное и окончательное размежевание с Фейербахом. Таким образом, логично было предположить, что динамика становления марксизма не могла не отразиться в рукописи «Немецкой идеологии», в различной степени зрелости ее составных частей.

Так анализ содержания рукописи и изучение истории ее написания с двух различных сторон привели к постановке новой проблемы: проследить развитие идей Маркса и Энгельса в пределах самой «Немецкой идеологии»; рассмотреть ее содержание не в статическом состоянии, а в динамике; образно говоря, представить ее содержание не как однократный срез, а как ряд последовательных срезов истории марксизма, не как мгновенную фотографию, а как серию кадров киноленты, развернуть это содержание во времени, представить его как функцию времени. Эта задача эквивалентна более детальному анализу данного отрезка истории марксизма. Такое рассмотрение периода 1845—1846 гг. как бы с более близкого расстояния должно было выявить тот момент, когда в развитии взглядов Маркса и Энгельса произошел определенный качественный скачок, выявить как содержание этого скачка, так и то время, к которому он должен быть отнесен. Если удастся проследить, от чего к чему шло развитие в этот период, и определить решающий момент этого развития, то тем самым будет открыт путь к более глубокому пониманию места «Немецкой идеологии» в истории марксизма.

Выяснение хронологической последовательности

Итак, необходимо проследить динамику содержания «Немецкой идеологии». Но для этого надо знать, в какой последовательности написаны различные составные части рукописи. Значит, возникает еще одна производная задача: выяснить последовательность написания «Немецкой идеологии».

В данном случае подобная задача сама по себе является довольно сложной. Дело в том, что структура «Немецкой идеологии» и характер дошедшей до нас рукописи таковы, что допускают различные гипотезы относительно последовательности ее написания. Поэтому только детальный анализ самой рукописи и ее содержания приводит к однозначному решению указанной задачи.

Напомним основные факты.

⁸ Обоснование этой новой, уточненной датировки «Тезисов о Фейербахе» см. в «Научно-информационном бюллетене сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», № 12, 1965, стр. 2—29.

В дошедшей до нас рукописи «Немецкой идеологии»⁹ общее название всего произведения не сохранилось. В существующих изданиях оно взято из заметки Маркса против К. Грюна¹⁰. В соответствии с этим источником дошедшая до нас рукопись издается под общим названием: «Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и М. Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков». Рукопись состоит из двух томов, хотя номера и названия томов в ней также отсутствуют. Общую структуру «Немецкой идеологии» характеризует уже ее подзаголовок: первый том содержит критику немецкой послегегелевской философии, второй том — критику мелкобуржуазного «истинного социализма».

Первый том состоит из краткого предисловия и трех глав. Первая глава называется: «I. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений». Она направлена против Фейербаха, но посвящена преимущественно положительному изложению точки зрения Маркса и Энгельса; она была задумана как общее введение к последующим критическим очеркам и дает изложение материалистического понимания истории как непосредственной философской основы научного коммунизма. Работа над этой главой не была завершена. Все последующие главы «Немецкой идеологии» носят преимущественно полемический характер. Вторая и третья главы первого тома называются соответственно: «II. Святой Бруно» и «III. Святой Макс». Они посвящены критике идеалистической философии младогегельянцев Б. Бауэра и М. Штирнера и объединены введением под названием «Лейпцигский собор» и заключением «Закрытие Лейпцигского собора». В основу композиции третьей главы положен своеобразный полемический прием. В этой главе Маркс и Энгельс подробно разбирают и критикуют книгу М. Штирнера «Единый и его собственность» и его статью «Рецензенты Штирнера». В своей книге Штирнер часто прерывает последовательность изложения «эпизодическими вставками», которые не имеют прямого отношения к делу. Высмеивая эту манеру, Маркс и Энгельс начинают главу о Штирнере сообщением о его статье, а затем для уяснения смысла статьи следует грандиозный «эпизод» на три сотни страниц, посвященный критике книги Штирнера, после чего Маркс и Энгельс снова возвращаются к рассмотрению его статьи.

Второй том состоит из небольшого введения под названием «Истинный социализм» и пяти глав, из которых вторая и третья

⁹ Фотокопия рукописи «Немецкой идеологии» и оригинал рукописи предисловия к ее первому тому хранятся в Москве в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Рукопись «Немецкой идеологии», из исключением предисловия к первому тому, находится в Амстердаме в Международном институте социальной истории.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 39—41.

в дошедшей до нас рукописи не сохранились. Первая глава посвящена критике философии «истинного социализма», четвертая глава — критике его историографии, пятая глава — критике его религии. В качестве заключительной главы второго тома «Немецкой идеологии» была написана весной 1847 г. работа Энгельса «Истинные социалисты».

Таким образом, уже структура «Немецкой идеологии», задуманной и написанной как серия отдельных критических очерков о различных представителях младогегельянства и «истинного социализма», как ряд очерков, объединенных общим введением, допускает различную последовательность написания отдельных глав. Возможность того, что главы «Немецкой идеологии» могли быть написаны не в том порядке, в котором они следуют теперь одна за другой, согласно авторской нумерации, не исключается и фактами предыстории «Немецкой идеологии».

Самый отдаленный по времени, самый первоначальный и еще неопределенный замысел подобного произведения был высказан Марксом и Энгельсом в сентябре 1844 г. в заключительных словах предисловия к их первому совместному труду — «Святому семейству»: «Мы предприняли... предлагаемую полемическую работу нашим самостоятельным произведением, в которых мы изложим... наши положительные взгляды и вместе с тем нашу положительную точку зрения по отношению к новейшим философским и социальным доктринам»¹¹. В зародыше здесь уже намечены два тома будущей «Немецкой идеологии»: положительная критика новейших философских (первый том) и социальных (второй том) доктрин.

В ноябре 1844 г. появилась книга Штирнера «Единственный и его собственность». В переписке между собой Маркс и Энгельс обсуждают ее содержание и приходят к единому мнению. Уже в декабре 1844 г. Маркс собирался написать статью против Штирнера.

В апреле 1845 г. Энгельс приезжает к Марксу в Брюссель. Маркс излагает ему материалистическое понимание истории в почти сложившемся виде, и они решают сообща всесторонне разработать новое мировоззрение в форме критики немецкой послегегелевской философии. Это уже замысел будущей «Немецкой идеологии». Маркс набрасывает в своей записной книжке 11 тезисов о Фейербахе как заметки, подлежащие дальнейшей разработке в будущем труде.

Летом 1845 г. во втором томе трехмесячного журнала «Wigand's Vierteljahrsschrift» появляется статья Л. Фейербаха, в которой он провозглашает себя «коммунистом». Осенью в третьем томе журнала появляются статьи Б. Бауэра и М. Штирнера, содержащие нападки на Маркса и Энгельса. После возвращения из

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 8.

совместной поездки в Англию и после ознакомления с третьим томом этого журнала Маркс и Энгельс приступают к написанию «Немецкой идеологии».

Такова в двух словах предыстория. Как видим, Маркс и Энгельс могли начать работу над «Немецкой идеологией» с вводной главы против Фейербаха, но ничто не мешало начать ее, например, с критики книги Штирнера. Следовательно, выяснение предыстории «Немецкой идеологии» само по себе еще не дает ключа к тому, чтобы раскрыть последовательность ее написания. Остается только один путь — исследование рукописи, текста «Немецкой идеологии». Однако решение задачи таким путем наталкивается на другую трудность, связанную уже с характером самой рукописи: она представляет собой не единый черновой или белойой вариант, а ряд последовательных наслоений текста. Одни его части дошли до нас в своем первоначальном виде, другие были переписаны; практически по всему тексту идет довольно значительная правка, местами правится не только первоначальный текст, но и уже наслоившаяся на него правка. Все это, разумеется, осложняет анализ рукописи: затрудняет, например, датирование текста по тем историческим фактам, которые в нем упоминаются, затрудняет использование системы внутренних ссылок (в одних местах текста на другие места, на предшествующий текст или на последующий) для определения того порядка, в котором писалась вся рукопись в целом.

Можно попытаться определить время написания отдельных глав по тем историческим (в том числе литературным) фактам, которые упоминаются в тексте. Но этот метод имеет тот недостаток, что обычно позволяет определить только нижнюю границу того отрезка времени, в который был написан данный текст, т. е. определить, после чего он был написан. Определить же верхнюю границу, т. е. до чего был он написан, можно не по тому, что в тексте упоминается, а только по тому, что в нем не упоминается, а это либо бывает невозможно, либо приводит к чисто гипотетическому результату. Если известно только время, после которого написана та или иная часть текста, то определить последовательность написания всего текста, конечно, нельзя. Метод датировки по упоминаемым фактам может дать необходимый результат только в сочетании с каким-либо другим методом. Например, если бы по письмам Маркса и Энгельса или иным путем удалось установить время, до которого уже была написана та или другая глава, тогда в сочетании с анализом упоминаемых в тексте фактов можно было бы решить стоящую перед нами задачу. К сожалению, таким путем датировать более или менее точно написание отдельных глав не удастся. Более того, в силу самого характера «Немецкой идеологии» как произведения теоретического число фактов текущей истории, упоминаемых в тексте, крайне невелико. Поэтому определить последовательность написания

«Немецкой идеологии» можно было главным образом не путем анализа ее содержания, а путем анализа самой рукописи.

Но такая работа уже была проделана более 30 лет назад, и, насколько позволяет этот метод, последовательность написания рукописи была в сущности установлена. Заслуга эта принадлежит выдающемуся марксоведу, специалисту по публикации рукописного наследства Маркса и Энгельса П. Л. Веллеру¹². Результат его труда воплощен в первом полном издании «Немецкой идеологии»: Marx — Engels Gesamtausgabe, Abt. I, Bd. 5. Berlin, 1932 (далее — MEGA). Следовательно, каждый, изучающий рукопись «Немецкой идеологии», мог и должен был опираться на эту уже проделанную работу. Но при использовании работы Веллера возникает специфическая трудность.

До сих пор мы утверждали, что для того, чтобы проследить развитие содержания «Немецкой идеологии», было необходимо выяснить последовательность написания рукописи. В общей форме такая формулировка задачи является правильной. Но она еще недостаточно конкретна. Теперь настало время уточнить формулировку проблемы.

Дело в том, что с точки зрения теоретического содержания значение различных частей «Немецкой идеологии» далеко не равноценно. Главное здесь — разработка материалистического понимания истории, а его положительное изложение сконцентрировано в первой главе. Из остальных, полемических глав наибольшее значение имеет глава о Штирнере; она доминирует и по объему, составляя две трети всей рукописи, это основа всего произведения. Поэтому, чтобы проследить развитие в «Немецкой идеологии» материалистического понимания истории и связанных с ним основных положений теории научного коммунизма, необходимо выяснить главным образом последовательность написания составных частей первой и третьей глав первого тома «Немецкой идеологии».

Но, к сожалению, в подготовленной Веллером публикации 1932 г. первая глава «Немецкой идеологии» напечатана не в той последовательности, в которой были написаны ее составные части. Правда, в описании рукописи Веллер дал читателю ключ к пониманию того, как, в какой последовательности была написана сама

¹² Павел Лазаревич Веллер родился 1 апреля 1903 г. в Козлове (ныне Мичуринск). С сентября 1913 по март 1924 г. жил в Германии, куда был отправлен для лечения тяжелой болезни. С февраля 1925 г. и до конца жизни работал в Институте Маркса и Энгельса (с 1931 г. — Институт Маркса — Энгельса — Ленина) сначала как младший научный сотрудник, с ноября 1927 г. — старший научный сотрудник. Подготовил на языке оригинала первые полные издания «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1932 г.) и «Экономических рукописей 1857—1859 годов» К. Маркса (1939—1941 гг.). В июне 1941 г. пошел добровольцем в народное ополчение и погиб на фронте.

рукопись, а в опубликованном тексте главы указаны страницы рукописи. Однако воспользоваться этим ключом, не имея перед глазами самой рукописи, было чрезвычайно трудно.

Вот почему при новом исследовании рукописи «Немецкой идеологии» пришлось заново, опираясь на сделанное Веллером и имея перед глазами фотокопию рукописи, проанализировать всю рукопись страница за страницей, прежде чем удалось полностью уяснить себе ту действительную последовательность, в которой она была написана Марксом и Энгельсом.

Общий результат, который в сущности был получен еще Веллером, а теперь был вновь подтвержден, сводится в основном к следующему.

Сначала — это произошло после появления третьего тома журнала «Wigand's Vierteljahrsschrifts» за 1845 г., Маркс и Энгельс начали писать критическую работу, направленную одновременно против Л. Фейербаха, Б. Бауэра и М. Штирнера. Затем они изменили свой замысел и решили посвятить критике Бауэра и Штирнера специальные главы, предпослав им общее введение, направленное против Фейербаха. В соответствии с этим новым планом они вычеркнули из первоначальной рукописи все места, относящиеся к критике Бауэра и Штирнера, и перенесли их соответственно во вторую и третью главы первого тома «Немецкой идеологии». Так сложилась хронологически первая часть, первоначальное ядро главы о Фейербахе (29 пронумерованных Марксом страниц). В новой публикации первой главы «Немецкой идеологии» эта часть рукописи фигурирует как вторая часть главы.

Затем была написана вторая и начата третья глава первого тома. В ходе критики книги Штирнера «Единственный и его собственность» Маркс и Энгельс делали более или менее обширные теоретические отступления, в которых они в положительной форме развивали свое материалистическое понимание истории. Два таких отступления они изъяли из главы о Штирнере и перенесли в главу о Фейербахе. Первое из них (6 стр.) было написано в связи с критикой идеалистической концепции Штирнера о господстве духа в истории. Этот текст изъят из того места главы о Штирнере, которому в 3-м томе (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2) соответствует стр. 163. Второе теоретическое отступление (37 стр.) было написано в связи с критикой взглядов Штирнера на буржуазное общество, конкуренцию, на соотношение частной собственности, государства и права. Этот текст, изъятый из главы о Штирнере, был заменен там новым текстом, который в 3-м томе начинается на стр. 350. Так из двух частей текста, первоначально входивших в состав третьей главы первого тома, возникли хронологически вторая и третья части главы о Фейербахе. В новой публикации первой главы «Немецкой идеологии» эти две части рукописи фигурируют соответственно как третья и четвертая части главы.

Эти три хронологически первые части рукописи главы о Фейербахе Маркс последовательно пропиагинировал (стр. 1—72), объединив их в одну черновую рукопись всей первой главы. После этого Маркс и Энгельс начали перерабатывать черновой вариант первой главы и сделали две попытки написать начало главы начисто. Так возникли два варианта беловика. Хронологически четвертая часть данной главы — это первый вариант беловика (5 стр.), хронологически пятая часть — это второй, основной и последний, вариант беловика (16 стр.). Начала первого и второго вариантов почти совпадают, поэтому соответствующая часть первого беловика в рукописи перечеркнута. В новой публикации первой главы «Немецкой идеологии» эти два беловика объединены и фигурируют как первая часть главы.

Если схематически резюмировать сказанное, то последовательность написания основных частей первой и третьей глав первого тома «Немецкой идеологии», а именно эти две главы и интересуют нас здесь в первую очередь, выглядит следующим образом:

1) Первоначальное ядро первой главы, стр. 1—29 черновой рукописи (в новой публикации — вторая часть главы).

2) Начало третьей главы (т. 3, стр. 103—163).

3) Хронологически вторая часть первой главы, стр. 30—35 черновой рукописи (новая публикация — третья часть главы).

4) Продолжение третьей главы (т. 3, стр. 163—350).

5) Хронологически третья часть первой главы, стр. 36—72 черновой рукописи (новая публикация — четвертая часть главы).

6) Окончание третьей главы (т. 3, стр. 350—452).

7) Хронологически четвертая часть первой главы — первый вариант беловика, 5 стр. рукописи (новая публикация — первая часть главы, вводный параграф и § 2).

8) Хронологически пятая часть первой главы — второй, основной вариант беловика, листы 1—5 рукописи (новая публикация — первая часть главы, вводный параграф и §§ 1, 3 и 4).

Таким образом, с хронологической точки зрения, рукописи этих двух глав распадаются соответственно на пять частей и на три части, которые в процессе написания перемежались. Если символически обозначить главы римскими цифрами, а их хронологические части — латинскими буквами, то последовательность написания этих двух глав можно наглядно представить в виде ряда:

Ia, IIIa, Ib, IIIb, Ic, IIIc, Id, Ie.

Последовательность расположения составных частей важнейшей, первой, главы имеет в новой публикации такой вид:

Ide, Ia, Ib, Ic.

Следовательно, в первой из четырех частей этой главы совмещены хронологически четвертая и пятая части рукописи, а далее последовательность написания текста и его расположение в публикации совпадают. Хронологическая структура третьей главы

имеет простой вид:

IIIa, IIIb, IIIc.

Или, иначе, если первую схемку представить в виде последовательности цифр:

1 2 3 4 5 6 7 8,

тогда две другие примут такой вид:

(7 8) 1 3 5 и 2 4 6.

Эти элементарные схемки наглядно демонстрируют сложный характер последовательности, в которой были написаны две наиболее важные главы «Немецкой идеологии».

Таким образом, выяснив общую последовательность, в которой была написана главная часть рукописи «Немецкой идеологии», мы тем самым получили ключ к исследованию содержания «Немецкой идеологии» не в виде наличной суммы высказываний, а в его развитии. Теперь в анализе теоретического содержания «Немецкой идеологии» появилась возможность применить элементарное правило диалектики: исследовать предмет в его движении, исследовать развитие предмета.

До этого пункта новое исследование рукописи «Немецкой идеологии» еще не дало ничего принципиально нового, до сих пор оно было в сущности освоением того уровня, которого уже достигла наука. Основные результаты в этом направлении были получены уже Веллером. Новое исследование отличалось исходным пунктом, подходом к проблеме и своей целью, но по реальным результатам оно еще почти не вышло за пределы того, что уже было достигнуто в прошлом.

Можно сказать, что до тех пор, пока исследование ограничивалось преимущественно внешним анализом рукописи или же, наоборот, изучением только ее содержания, получить существенно новые результаты было практически почти невозможно. Ведь как сама рукопись, так и содержание «Немецкой идеологии» каждая в отдельности в большей или меньшей степени уже были изучены.

До указанного момента новое исследование было лишь так сказать расширенным воспроизведением уже достигнутого уровня. Но теперь начинается та стадия исследования, которая выявляет его специфическую особенность — сочетание анализа содержания рукописи с анализом ее формы — и которая приводит к существенно новым результатам. Главными из них явились три: 1) уточнение датировки рукописи; 2) более глубокое определение специфики «Немецкой идеологии»; 3) обоснование необходимости, а затем и осуществление новой публикации ее первой главы¹³.

¹³ Эти результаты были получены летом 1963 г. и изложены в докладе «Место „Немецкой идеологии“ в истории марксизма» на заседаниях теоре-

Первый результат: уточнение датировки

С 1932 г., когда появилось подготовленное Веллером первое полное издание «Немецкой идеологии», стало общепризнанным, что Маркс и Энгельс начали писать ее в сентябре 1845 г., т. е. после возвращения из поездки в Англию и после ознакомления с только что появившимся третьим томом журнала «Wigand's Vierteljahrsschrift» со статьями Б. Бауэра и М. Штирнера. Эта концепция безраздельно господствовала в марксоведческой литературе более 30 лет. В ней почти все правильно, за исключением самой датировки начала работы Маркса и Энгельса над рукописью. Как теперь окончательно стало ясно, в основе этой концепции лежит совершенно правильная идея: определить начало работы над «Немецкой идеологией» по времени выхода в свет третьего тома журнала «Wigand's Vierteljahrsschrift», так как Маркс и Энгельс начали писать «Немецкую идеологию» после выхода в свет данного журнала. Этот факт был установлен в сущности еще Веллером и стал совершенно очевидным после того, как вслед за Веллером была вновь проанализирована рукопись «Немецкой идеологии».

В тексте «Немецкой идеологии» многократно упоминаются и цитируются статьи Бауэра и Штирнера из третьего тома «Wigand's Vierteljahrsschrift», но ведь, вообще-то говоря, это еще не является доказательством того, что данный текст был написан только после появления третьего тома журнала. Вспомним некоторые из основных фактов, относящихся к предыстории «Немецкой идеологии» и к особенностям этого произведения. Замысел его возник еще весной 1845 г. Основным объектом критики в нем является книга Штирнера, которая вышла еще в ноябре 1844 г. Далее, на первый взгляд кажется, что в первой главе подвергается критике только статья Фейербаха из второго тома «Wigand's Vierteljahrsschrift»: во всяком случае, в тексте главы имеется непосредственная ссылка только на этот том журнала. К тому же в 1956 г. были впервые опубликованы воспоминания Жюльетты Маркс «Беглый очерк беспокойной жизни», где она прямо пишет, что летом 1845 г. Маркс и Энгельс работали над «Немецкой идеологией»¹⁴. Все подобного рода факты позволяли предположить, что работа над рукописью «Немецкой идеологии» могла начаться еще до осени

тического семинара в секторе произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 11 ноября и 3 декабря 1963 г. («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», № 11, 1964, стр. 70, 80—82, 88, 89; «Вопросы истории КПСС», 1964, № 10, стр. 152).

¹⁴ «Энгельс в течение лета работал с Карлом над критикой немецкой философии — внешним толчком к этому послужило появление книги „Единственный и его собственность“. Результатом этой работы явился обширный труд, который должен был выйти в Вестфалии» («Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 224—225).

1845 г., а упоминания статей из третьего тома «Wigand's Vierteljahrsschrift» могли явиться позднейшим добавлением к первоначальному тексту. Однако такое абстрактное предположение могло бы стать истинным лишь в том случае, если бы оно было подкреплено результатами анализа самой рукописи. А этот анализ ясно и недвусмысленно показывает, что вся рукопись «Немецкой идеологии» без исключения, начиная с ее первой страницы, была написана после появления третьего тома «Wigand's Vierteljahrsschrift». Ведь статьи Бауэра и Штирнера из этого журнала упоминаются и цитируются на первой и следующих страницах дошедшей до нас рукописи первой главы.

После этого оставалось лишь проверить правильность прежнего представления о том, что этот журнал вышел в свет в начале сентября 1845 г. Такая датировка основывалась, по-видимому, на чисто умозрительных соображениях: по идее, журнал должен был выходить раз в три месяца. Однако, как потом выяснилось, тома этого журнала (четыре в год) выходили крайне неравномерно.

Итак, надо было найти сведения о выходе третьего тома «Wigand's Vierteljahrsschrift». Поиски велись в трех направлениях. Во-первых, изучались десятки опубликованных и неопубликованных писем этого периода, принадлежащих людям, так или иначе связанным с Марксом и Энгельсом. Этот поиск не дал результатов. (Такого исхода можно было ожидать, поскольку большинство этих писем падалось в поле зрения уже в то время, когда над рукописью «Немецкой идеологии» работал Веллер.) Во-вторых, выискивались сообщения, объявления и рецензии в газетах и журналах о выходе различных изданий. Поиск в этом направлении увенчался частичным успехом: в аугсбургской газете «Allgemeine Zeitung» за 9 ноября 1845 г. удалось обнаружить объявление о выходе в свет третьего тома «Wigand's Vierteljahrsschrift». Наконец, в-третьих, просматривались специальные библиографические издания. Здесь поиски завершились окончательным успехом: были найдены наиболее точные сведения о времени появления журнала. В издании «Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel», 12. Jahrgang, Leipzig, 1845 (экземпляр имеется в Библиотеке им. В. И. Ленина), в № 92 от 21 октября 1845 г. на стр. 1107 среди книг, поступивших 16—18 октября, указан и «Wigand's Vierteljahrsschrift», Bd. III. Следует также добавить, что в библиотеке Института марксизма-ленинизма был найден экземпляр журнала с пометкой: «Появился 30 октября 1845 г.» (надпись сделана карандашом готическим шрифтом).

Полученные факты необходимо было проанализировать, в частности сопоставить данный случай с другими, уже хорошо изученными.

Так как и журнал Виганда, и «Börsenblatt» издавались в Лейпциге, то интервалом между выходом журнала из печати и его регистрацией в справочнике практически можно пренебречь. Сле-

довательно, можно утверждать, что третий том «Wigand's Vierteljahrsschrift» вышел в свет в Лейпциге между 16 и 18 октября 1845 г. Между выходом этого тома в свет, с одной стороны, и появлением его на книжном рынке, а также тем моментом, когда он мог попасть в руки Маркса и Энгельса — с другой, должно было пройти и, по-видимому, прошло определенное время. Учитывая все известные нам обстоятельства, можно считать, что журнал появился на книжном рынке около 1 ноября и мог оказаться в Брюсселе в руках Маркса и Энгельса приблизительно в начале ноября 1845 г.

Таким образом, точное определение времени появления третьего тома журнала «Wigand's Vierteljahrsschrift» приводит к пересмотру традиционной концепции о начале работы Маркса и Энгельса над рукописью «Немецкой идеологии». Теперь имеются все основания полагать, что Маркс и Энгельс начали писать «Немецкую идеологию» не в сентябре, а в ноябре 1845 г.¹⁵ В период формирования марксизма, когда развитие шло так стремительно, что месяцы имели значение, такое уточнение на два месяца уже само по себе существенно. Но уточнение это влечет за собой целый ряд совершенно конкретных следствий. Вот несколько примеров.

Раньше представляли себе дело так. Маркс и Энгельс решили написать «Немецкую идеологию» весной 1845 г., но до возвращения из поездки в Англию у них для этого не было времени. После возвращения их в Брюссель оно появилось, к тому же поводом для начала работы послужил третий том «Wigand's Vierteljahrsschrift».

Теперь дело представляется иначе. В течение двух месяцев после возвращения из Англии Маркс и Энгельс не приступали к написанию «Немецкой идеологии». Значит, все это время они занимались чем-то другим, и иной смысл приобретают факты их биографии, относящиеся к сентябрю и октябрю 1845 г. Причиной, побудившей их приступить к написанию «Немецкой идеологии», было не появление у них свободного времени, а выход в свет журнала «Wigand's Vierteljahrsschrift» со статьями Бауэра и Штирнера. В статье Бауэра, в частности, предпринималась попытка ответить на ту критику, которой Маркс и Энгельс подвергли его в «Святом семействе».

В связи с этим можно внести уточнения и в датировку важнейшей, первой главы «Немецкой идеологии». Можно доказать, что по меньшей мере черновая часть этой главы (а возможно, и вся глава) была написана между ноябрем 1845 г. и апрелем 1846 г. Действительно, начало работы над рукописью всей «Немецкой

¹⁵ Подробное обоснование этой новой датировки начала работы Маркса и Энгельса над рукописью «Немецкой идеологии» см. в «Научно-информационном бюллетене сектора провозвешений К. Маркса и Ф. Энгельса» (№ 12, 1965, стр. 30—40).

идеологии» — это начало работы над черновой рукописью ее первой главы. Верхнюю границу этого периода, окончание работы над черновой рукописью первой главы, тоже можно определить. Напомним, что эта черновая рукопись состоит из трех частей: первоначального ядра и двух частей, перенесенных сюда из третьей главы. По характеру пагинации видно, что Маркс и Энгельс решили перенести первый кусок из третьей главы после того, как было написано продолжение третьей главы, а второй кусок — до того, как был написан дальнейший текст (окончание) третьей главы. Можно предположить, что оба решения — о переносе того и другого куска — были приняты одновременно, тогда, когда Маркс и Энгельс кончили писать второй кусок. Вместо этого второго куска они написали новый текст и затем продолжали писать третью главу. А то место третьей главы, из которого был изъят первый кусок, было набело переписано рукой И. Вейдемейера. Вейдемейер находился в Брюсселе в марте и апреле 1846 г. Первое письмо, которое он прислал в Брюссель после возвращения в Германию, датировано 30 апреля¹⁶. Следовательно, к этому времени черновая рукопись первой главы уже была написана. Из этого следует важный вывод: первая всесторонняя разработка материалистического понимания истории была осуществлена в конце 1845 — начале 1846 г.

Еще один пример. Теперь ясно, что упомянутое выше свидетельство Ж. Маркс относительно работы Маркса и Энгельса над «Немецкой идеологией» уже летом 1845 г. — свидетельство в ее воспоминаниях, написанных 20 лет спустя, — является ошибкой памяти. Правда, как обычно бывает в подобных случаях, Ж. Маркс сообщает некоторый мнимый факт, в котором совмещены два действительных факта. Маркс и Энгельс действительно работали вместе летом 1845 г., но не над «Немецкой идеологией», а над литературой по политической экономии. Они действительно работали вместе над «Немецкой идеологией», но не летом, а начиная с осени 1845 г. Следовательно, в деталях воспоминания Ж. Маркс являются не вполне достоверными.

Приведенные примеры дают некоторое представление о тех следствиях, которые могут быть извлечены из новой датировки начала работы Маркса и Энгельса над рукописью «Немецкой идеологии». Однако главной целью исследования было проследить развитие теории. Для этого необходимо было соотнести теоретическое содержание «Немецкой идеологии» со временем. Причем достаточно было выяснить не «что — когда», а «что — после чего» было написано; проще говоря, достаточно было установить не то, когда были написаны отдельные части, а то, в какой последовательности они были написаны.

¹⁶ И. Вейдемейер — К. Марксу, 30 апреля 1846 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5538).

Второй результат: определение специфики

Следующим результатом было выяснение того специфически нового, что отличает «Немецкую идеологию» от всех предшествующих произведений Маркса и Энгельса.

То, что здесь Маркс и Энгельс изложили материалистическое понимание истории более или менее цельно и систематически, стало уже чем-то само собой разумеющимся, чем-то самоочевидным. Но что нового, помимо этой разносторонности изложения, было сделано Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии», какими новыми теоретическими положениями отличается она от всех предшествующих произведений Маркса и Энгельса? И почему возможно стало это целостное изложение исторического материализма? На первый вопрос различные авторы отвечают по-разному. На второй они обычно ответа не дают. И можно прямо сказать, что дать правильный ответ на эти вопросы, не зная последовательности работы Маркса и Энгельса над «Немецкой идеологией», было практически почти невозможно. Вот почему обычные представления сводятся в основном к тому, что в этом произведении собраны отдельные положения материалистического понимания истории, сформулированные уже в предшествующих произведениях Маркса и Энгельса, и к ним добавлены некоторые новые, — отличие, по существу, чисто количественное.

Одна из распространенных ошибок в оценке произведений Маркса и Энгельса (и не только их произведений) состоит в следующем: те или иные яркие высказывания, встречающиеся в данном произведении, рассматриваются как специфически новые мысли, впервые именно в нем и появившиеся. При этом не учитываются различия между первым появлением мысли и ее первым высказыванием, изложением, между первым изложением мысли и ее классической формулировкой.

Если, не впадая в такую ошибку, сопоставить содержание «Немецкой идеологии» с содержанием предшествующих произведений Маркса и Энгельса, тогда можно выделить то новое, что появляется впервые именно в «Немецкой идеологии». Это и было сделано в ходе нового исследования еще до того, как была выяснена последовательность написания рукописи. Результат сопоставления получился такой. Очень многое, что на первый взгляд кажется специфически новым в «Немецкой идеологии», фактически уже имелось в предшествующих произведениях. Многие из того, что действительно появляется только в «Немецкой идеологии», оказывается либо не самым существенным, либо производным от других, более глубоких положений. И только в одном, но зато кардинальном, пункте появляется принципиально новое: понятие производственных отношений и формулировка диалектики производительных сил и производственных отношений. Ничего подобного до «Немецкой идео-

логии» не было. В предшествующих работах можно обнаружить лишь некоторые подходы к этому открытию.

Но то, что представляется теперь как совершенно ясный и однозначный результат сопоставления «Немецкой идеологии» с другими произведениями Маркса и Энгельса, то в реальном исследовании не сразу стало чем-то самоочевидным. Поначалу этот результат сопоставления выступил лишь в виде гипотезы, которая еще подлежала проверке. Одним из способов проверки был логический анализ функциональных связей между различными элементами материалистического понимания истории, которые появляются в «Немецкой идеологии». Уже этот анализ показывал, что определяющим среди достижений «Немецкой идеологии» является выяснение диалектики производительных сил и производственных отношений. Однако решающим способом проверки гипотезы стал анализ изменения историко-материалистической концепции в пределах самой рукописи.

После того как удалось расположить отдельные части рукописи в той последовательности, как они были написаны, стало совершенно очевидно, что перед нами не статика, а динамика идей, что различные части рукописи имеют различную, последовательно возрастающую степень зрелости, что ясность понимания и изложения рассматриваемых здесь законов развития общества все время возрастает. И при этом решающим, переломным моментом, где как бы воочию можно наблюдать качественный скачок в развитии материалистического понимания истории, является то место в первой главе (стр. 52, а также 61 черновой рукописи)^{16а}, где формулируется диалектика производительных сил и производственных отношений. После данной части рукописи изложение материалистического понимания истории поднимается на новый, более высокий уровень.

Затем следовало проверить, не противоречит ли тенденция развития, обнаруженная в пределах «Немецкой идеологии», общей тенденции развития, свойственной всему периоду формирования марксизма, укладывается ли данная частная тенденция в объемлющую ее более общую тенденцию.

Здесь следует оговориться. Может показаться странным, что исследователь сначала путем микроанализа пытается обнаружить тенденцию развития в пределах одного произведения, где она едва заметна, а затем переходит к рассмотрению целого периода, где та же тенденция должна действовать в значительно больших масштабах, где общее направление развития теории обнаружить значительно легче и где это развитие уже достаточно изучено. Если бы дело обстояло действительно так, то это было бы поистине странно. На самом же деле сначала исследование шло, конечно,

^{16а} В тексте новой публикации первой главы «Немецкой идеологии» указаны страницы рукописи.

от макроструктуры к микроструктуре. Прежде чем началось новое исследование «Немецкой идеологии», уже была ясна общая картина формирования марксизма, уже с самого начала было ясно, от чего к чему шло общее развитие теории, что было и чего еще не было в работах Маркса и Энгельса до «Немецкой идеологии» и что нового появилось в последующих произведениях; следовательно, общая тенденция развития, проходящая через весь период, а значит — так можно было умозаключить — и через рукопись «Немецкой идеологии», была выяснена заранее. Но в науке переход от общего к частному — это задача несколько более сложная, чем построение элементарного силлогизма или решение тривиального уравнения. Даже после того, как путем сравнения «Немецкой идеологии» с предшествующими работами Маркса и Энгельса было выделено то новое, что появляется в ней впервые, предстояло еще проделать решающую часть работы: проследить, так сказать, во времени развитие содержания «Немецкой идеологии». И только эта последняя фаза исследования могла дать окончательную уверенность в том, что специфически новое в этом произведении теперь выявлено и схвачено. Если до выяснения динамики содержания «Немецкой идеологии» мы исходили из общей картины формирования марксизма, чтобы определить направление поисков, то после исследования рукописи и ее содержания мы вновь обращаемся к периоду формирования марксизма, чтобы еще одним способом проверить полученный результат и, быть может, внести некоторые коррективы в общепринятую интерпретацию этого периода.

Итак, сопоставление полученного результата с общей картиной формирования и развития марксизма показывает, что этот результат вполне вписывается в общую схему. В то же время он несколько модифицирует, уточняет общепринятую схему формирования марксизма и приводит к более глубокому пониманию всего процесса становления и развития теории Маркса.

В свете полученного результата некоторые из основных моментов истории марксизма представляются следующим образом.

Главный итог теоретической деятельности Маркса можно кратко определить так: создание научного коммунизма. Но, как неоднократно указывал Энгельс, превращение социализма из утопии в науку стало возможным только благодаря двум великим открытиям Маркса¹⁷. Первое из них — материалистическое понимание истории, второе — теория прибавочной стоимости. Материалистическое понимание истории — это непосредственная философская основа теории научного коммунизма. Теория прибавочной стоимости — ядро политической экономии Маркса. Значит, если взять шире, то тезис Энгельса можно переформулировать так: маркси-

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20 стр. 26—27, 209—214; т. 19, стр. 111—115, 348, 350—351.

стская философия и марксистская политическая экономия суть теоретические предпосылки и основы теории научного коммунизма.

Превращение социализма из утопии в науку — это длительный процесс, охватывающий более 20 лет теоретической деятельности Маркса и Энгельса. Этот процесс начался в середине 40-х годов и окончательно завершился в 1867 г. с выходом в свет первого тома «Капитала». Весной 1844 г. в Париже вышел в свет «Немецко-французский ежегодник». В опубликованных здесь статьях Маркса и Энгельса завершился их переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Начался в собственном смысле период формирования марксизма, завершившийся к 1848 г. созданием «Манифеста Коммунистической партии». («Немецкая идеология» является крупнейшим произведением этого периода.) Следующие 20 лет от «Манифеста Коммунистической партии» до первого тома «Капитала» Энгельс называл «инкубационным периодом» развития марксизма¹⁸.

Длительность всего этого процесса была непосредственно обусловлена тем, что между двумя великими открытиями Маркса прошло более 10 лет. Первое великое открытие Маркса относится к середине 40-х годов и было впервые всесторонне разработано в конце 1845 — начале 1846 г. в «Немецкой идеологии». Второе было сделано в конце 1857 г. в экономических рукописях Маркса 1857—1859 гг., основную часть которых составляет рукопись «Критика политической экономии» (1857—1858 гг.)¹⁹, и последовательно развито в начале 60-х годов в серии экономических рукописей Маркса 1861—1863 гг., главную часть которых составляют «Теории прибавочной стоимости». Первое открытие было впервые научно изложено в печати в «Нищете философии» (1847 г.) и в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.), второе в — «К критике политической экономии» (1859 г.) и в «Капитале» (т. I, 1867 г.). Таким образом, если несколько огрубить и схематизировать, то два главных открытия Маркса можно датировать 1845 и 1857 гг.

Однако конкретная история первого великого открытия Маркса не сводится лишь к одной дате — 1845 г.

Весной и летом 1843 г. Маркс предпринял критический пересмотр гегелевской философии права. В ходе этой критики он, в противоположность Гегелю, пришел к выводу, что не государство определяет гражданское общество, а, наоборот, гражданское общество определяет государство. Если этот вывод выразить в современной нам терминологии, то он будет приблизительно эквивалентен положениям: экономика определяет политику, или производст-

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 9.

¹⁹ К. Marx. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Moskau, 1939—1941; К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 46.

венные отношения определяют политическую надстройку. Этот вывод явился первым, отправным положением будущего материалистического понимания истории.

Весной 1844 г. в «Немецко-французском ежегоднике» Маркс опубликовал введение к критике гегелевской философии права. В этой статье он впервые сформулировал мысль о всемирно-исторической миссии пролетариата — первое положение будущей теории научного коммунизма.

Летом 1844 г. в «Экономическо-философских рукописях» Маркс предпринял попытку резюмировать начатые им в Париже экономические исследования и, вместе с тем первую попытку всесторонне научно обосновать свои коммунистические воззрения. В этой работе уже вполне определенно развивается мысль об определяющей роли производства в жизни общества, и на этой основе весь исторический процесс рассматривается как отчуждение труда и снятие этого отчуждения.

Осенью 1844 г., продолжая развивать свою основную идею, Маркс формулирует в «Святом семействе» ту мысль, что материальное производство есть материнское лоно истории.

Весной 1845 г. в Брюсселе Маркс приходит к целостной концепции материалистического понимания истории. Когда в апреле Энгельс также переехал в Брюссель, Маркс изложил ему материалистическое понимание истории в почти сложившемся виде. Этот момент становления новой теории был зафиксирован в тезисах Маркса о Фейербахе; хотя содержание тезисов, очевидно, отнюдь не исчерпывает того понимания истории, к которому уже пришел Маркс: ведь это тезисы о Фейербахе, а не тезисы о материалистическом понимании истории.

В ноябре 1845 г. Маркс и Энгельс начинают писать первую главу «Немецкой идеологии». Начинается всесторонняя разработка новой теории, новая, и на этот раз успешная, попытка дать научное обоснование коммунизма. Но это не просто развертывание и изложение на бумаге того, что они мысленно уже уяснили себе. Нет, это процесс дальнейшего углубления самой теории, процесс окончательного выяснения ее фундаментальных основ. И главное здесь — выяснение и формулировка диалектики развития производительных сил и производственных отношений. Это открытие Маркса приводит к выяснению основных функциональных связей и зависимостей между различными сферами человеческого общества: производительные силы — производственные отношения — классовая структура общества — политическая надстройка — формы общественного сознания. Тем самым это открытие дает ключ к пониманию как истории, так и теории общества, его структуры, функционирования и развития. Прямым следствием этого открытия является учение об общественных формациях, начало которого мы и имеем в «Немецкой идеологии».

В чем же состоит тот существенный шаг вперед, который был сделан благодаря этому открытию? В результате критики гегелевской философии права (1843 г.) была выяснена одна функциональная связь: гражданское общество определяет государство, что приблизительно соответствует звелу: производственные отношения — политическая надстройка. В «Экономическо-философских рукописях» (1844 г.) развивается уже более общая и глубокая мысль: производство определяет все сферы деятельности человеческого общества. В «Немецкой идеологии» (1845 г.) достигается существенно новый уровень понимания. В отличие от уровня 1843 г. здесь выясняется более глубокая основа: чем же определяется само гражданское общество, царство экономических, производственных отношений; и ответ гласит: производительные силы определяют производственные отношения. В отличие от уровня 1844 г. здесь совершается переход от более общего к более конкретному пониманию, раскрывается внутренний механизм самого производства. Этот переход от сущности одного порядка к сущности другого, более глубокого порядка²⁰ завершается выяснением общей функциональной структуры общества (в частности, начало учения о базисе и надстройке) и общего закона его движения и развития (особенно научная периодизация истории, начало учения об общественных формациях). Важнейшим следствием этой концепции явился в «Немецкой идеологии» вывод о необходимости и неизбежности пролетарской, коммунистической революции, объективная основа которой была найдена в противоречии между производительными силами и производственными отношениями буржуазного общества. Как видим, «Немецкая идеология» представляет принципиально новую ступень в истории марксизма. Здесь Маркс и Энгельс осуществили первую всестороннюю разработку материалистического понимания истории и тем самым первое, философское, или социологическое, обоснование теории научного коммунизма.

В плане материалистического понимания истории «Нищета философии» и «Манифест Коммунистической партии» сравнительно немного добавили к тому, что уже было сделано в «Немецкой идеологии». В них скорее было развернуто и обнародовано то, что Маркс и Энгельс уяснили себе в «Немецкой идеологии».

Второе и последнее — экономическое — обоснование теории научного коммунизма Маркс осуществил в серии фундаментальных работ, которую открывают экономические рукописи 1857—1858 гг. Между «Немецкой идеологией» и рукописями 1857—1858 гг. существует глубокая аналогия. Но на сопоставлении их в этом плане мы здесь останавливаться не будем. Важно только отметить, что в 1857 г. Маркс как бы снова возвращается к пробле-

²⁰ Ср. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 203, 227.

матике 1845 г. и при этом делает новый решающий шаг вперед также и в области материалистического понимания истории. Новые исследования Маркса в этом направлении начинаются в августе — сентябре 1857 г. гениальным введением к «Критике политической экономии», которым открывается главная из рукописей 1857—1858 гг., и увенчиваются классической формулировкой сущности материалистического понимания истории в предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии», которое датировано январем 1859 г.

Сопоставление «Немецкой идеологии» с последующими произведениями, особенно с работами 1857—1859 гг., позволяет выявить некоторую незавершенность в понимании кардинального вопроса о диалектике производительных сил и производственных отношений.

До сих пор, для того чтобы резко выделить специфически новое в «Немецкой идеологии» по сравнению с предшествующими работами Маркса и Энгельса, мы почти без оговорок утверждали, что это новое есть диалектика производительных сил и производственных отношений. В первом приближении такое упрощение, огрубление, преувеличение допустимо. Всякий процесс познания проходит подобную фазу: сначала предмет исследования рассматривается в общих чертах и описывается приближенно, а затем раскрывается его тонкая структура и он определяется более точно. Но теперь, когда «Немецкая идеология» сопоставляется с дальнейшим развитием марксизма, необходимо перейти к более конкретному определению ее специфики и ее исторического места.

Ограничимся важнейшим моментом ее содержания. Для того чтобы понять диалектику производительных сил и производственных отношений, необходимо было выработать само понятие «производственные отношения». В «Немецкой идеологии» это понятие находится в процессе становления, в завершающей фазе этого процесса. Оно кристаллизуется здесь в содержании таких терминов, как «гражданское общество», «способ общения», «форма общения», «отношения общения», «отношения производства и общения», «форма собственности», «отношения собственности» и, наконец, «производственные отношения». Таким образом, понятие «производственные отношения» здесь уже складывается. Но когда в «Немецкой идеологии» выясняется диалектика развития производительных сил и производственных отношений, то Маркс и Энгельс, выясняя отношение этих двух категорий, еще не доходят до конца и фиксируют только диалектическое соотношение между производительными силами и формой общения. Форма общения здесь — это приблизительно синоним общественных отношений, определенная совокупность или данный тип общественных отношений, сложившаяся на данной ступени исторического развития форма отношений между людьми. Следовательно, сформулированное в «Немецкой идеологии» положение эквивалентно тезису: производительные силы определяют общественные отношения (или фор-

му общества). Та же мысль развивается в известном письме Маркса Анненкову и в «Нищете философии». Вместе с тем в «Немецкой идеологии» уже выработаны все необходимые и достаточные элементы для того, чтобы конкретизировать диалектику производительных сил и формы общения как диалектику производительных сил и производственных отношений. Но такая конкретизация здесь еще не осуществлена. Этот дальнейший шаг был окончательно сделан в 1859 г. в предисловии Маркса к его «К критике политической экономии». В «Немецкой идеологии» этот будущий окончательный результат содержится потенциально, в скрытом виде, *implicite*. Его можно вывести из наличного здесь материала, но авторами он еще не выведен, так как, видимо, еще не вполне осознан. В «Немецкой идеологии» еще не доведен до логического конца процесс выделения производственных отношений из всей совокупности общественных отношений. Понятие «производственные отношения», можно сказать, уже схвачено, но не все вытекающие отсюда выводы уже развиты. Это прояснение и доведение до конца того, что было достигнуто в работе Маркса и Энгельса над «Немецкой идеологией», становится задачей дальнейшего развития их теории.

Итак, рассмотрение специфики «Немецкой идеологии» в контексте истории марксизма подтверждает правильность определения этой специфики (выяснение диалектики производительных сил и производственных отношений) и углубляет понимание истории формирования и развития марксистской теории. Одним словом, такая «историческая» проверка полученного результата оказывается не только успешной, но и в свою очередь дает положительные результаты.

К сказанному можно добавить еще одно общее соображение. Эту «историческую» проверку можно еще более расширить. В качестве «контекста» может быть взята не только история, но и предистория марксизма. И тогда бросается в глаза следующее. У предшественников Маркса и Энгельса можно обнаружить отдельные догадки, подходы к тем теоретическим положениям, которые были выработаны до «Немецкой идеологии». Так, у отдельных теоретиков домарксовского периода появляется догадка об определяющей роли экономики, производства в жизни общества. Но ни один из них даже случайно, даже отдаленно не приблизился к пониманию диалектики производительных сил и производственных отношений. Это открытие, сделанное в «Немецкой идеологии», представляет собой в высшей степени специфически марксистское достижение, и поэтому с «Тезисов о Фейербахе» и «Немецкой идеологии», т. е. с 1845 г., начинается принципиально новая эпоха в истории марксизма, его самостоятельная история. С этого времени, когда окончательно завершается размежевание со всей предшествующей философией (и социологией), начинается, если использовать выражение из «Критики Готской программы», развитие марксизма «на своей собственной основе». С этого времени марксизм начинает свое

самостоятельное существование и развитие. В течение двух лет этот процесс носит, так сказать, «внутренний», или «скрытый», характер, пока в «Нишите философии» и «Манифесте Коммунистической партии» новое мировоззрение не выступает открыто перед всем миром и не включается отныне во всемирную историю.

Таким образом, теперь получены основные данные, необходимые для ответа на исходный вопрос исследования: о месте «Немецкой идеологии» в истории марксизма, а в сущности и сам ответ, и теперь он при желании без особого труда может быть развит. Однако, как уже отмечалось, новое исследование «Немецкой идеологии» в силу внутренней логики своего развития вышло за пределы первоначально намеченной цели. В одном отношении этот выход проявился особенно наглядно. Речь идет о реконструкции и новой публикации первой главы.

Третий результат: необходимость новой публикации

Новая публикация важнейшей, первой главы «Немецкой идеологии» явилась прямым следствием, развитием и осуществлением результата чисто исследовательской работы, полученного еще в 1963 г. Попробуем теперь с точки зрения методологии проследить историю подготовки этой новой публикации.

Когда в ходе нового исследования рукописи «Немецкой идеологии» удалось выяснить последовательность ее написания и когда на этой основе был изготовлен первоначальный макет первой главы с расположением текста в соответствии с рукописью, то при внимательном чтении текста сразу же бросалось в глаза, что по крайней мере большая часть текста первой главы написана вполне связно, последовательно, логично. Раньше можно было предполагать, что, прослеживая развитие содержания первой главы в том порядке, как хронологически возникали ее отдельные части, можно будет выявить логику исследования Марксом и Энгельсом проблем исторического материализма. Теперь, когда текст был восстановлен в той последовательности, в которой он был написан, стало ясно, что перед нами не только логика исследования, но и логика изложения.

К этому результату нельзя было прийти априорно. Ведь работа над первой главой не была завершена, рукопись главы состоит из пяти относительно самостоятельных частей, отдельные места ее написаны фрагментарно. Если взять для сравнения, например, рукопись «Диалектики природы», то там зачастую нет видимой связи между отдельными фрагментами, даже когда они написаны на одном и том же листе. В таком случае мы имеем дело с подготовительными материалами, где в переходах от одного фрагмента к другому нет логики изложения, а существует только логика исследования, обнаружить которую к тому же не всегда удается.

Подобный характер, вообще говоря, могла иметь и рукопись незаконченной первой главы «Немецкой идеологии», отдельные места которой напоминают заметки и фрагменты, написанные без видимой внешней связи, для уяснения дела самим себе, а не для читателя, еще не подготовленные окончательно для печати. Однако уже первоначальное изучение хронологически расположенного текста показало, что каждая из пяти частей рукописи этой главы написана вполне последовательно, по определенному плану, что может быть обнаружено не только логика исследования, воплотившегося в данной рукописи, но и логика самого изложения.

Правда, точности ради надо сказать, что при первых прочтениях текста в хронологическом порядке бросилось в глаза только то, что большая часть текста главы написана логически последовательно. Это наблюдение дало возможность предположить, что так же последовательно написан и весь текст главы, т. е. каждая из пяти составных частей ее рукописи. Далее, уже при первом ознакомлении стало очевидно, что составные части рукописи первой главы взаимно дополняют одна другую, хотя характер этого взаимного дополнения, его конкретный смысл еще не были ясны. Наконец, уже на этой стадии можно было заметить некоторые различия в степени зрелости отдельных частей рукописи; но оставалась невыясненной общая тенденция в развитии теоретического содержания рукописи, еще не удавалось выявить, предметно проследить основные ступени этого развития. Все это требовало дальнейшего исследования рукописи, ее структуры и особенно ее содержания.

На описываемой стадии была сформулирована первая гипотеза относительно содержания первой главы «Немецкой идеологии»: каждая из пяти частей рукописи написана по определенному плану, связано, последовательно, логично. Начался период проверки этой гипотезы. За внешней фрагментарностью отдельных мест рукописи при более глубоком изучении во всех случаях без исключения удавалось обнаружить внутреннюю связь. Правильность гипотезы была доказана. Одновременно стало более глубоким и понимание содержания рукописи. Но не это дальнейшее проникновение в ее смысл было главным результатом описываемой стадии исследования. Вместе с превращением выдвинутой гипотезы в доказанное положение была доказана также и несостоятельность обоих вариантов расположения текста первой главы, которые были приняты в существующих изданиях. Стало ясно, что во всех изданиях текст первой главы «Немецкой идеологии» расположен неправильно, и тем самым была доказана необходимость новой публикации этой важнейшей главы в соответствии с рукописью.

На первый взгляд может показаться, что прийти к выводу о логичности изложения в рукописи Маркса и Энгельса было не так уж сложно. Но в действительности на пути исследования встрети-

лись совершенно определенные трудности: во-первых, трудность выяснения действительной последовательности, в которой была написана рукопись; во-вторых, незавершенный, местами даже фрагментарный характер самой рукописи; в-третьих, более чем тридцатилетняя установившаяся авторитетная традиция издания рукописи в перепланированном виде. Ведь в течение многих лет каждому, кто занимался изучением «Немецкой идеологии», приходилось читать ее первую главу в неправильном расположении, так что это традиционное расположение стало уже привычным, чем-то само собой разумеющимся. Не будь этой традиции, прийти к указанному выводу было бы проще, легче, естественнее. Исправить сделанную ошибку обычно труднее, чем избежать, не допустить ее. Поэтому в нашем случае проверка выдвинутой гипотезы о логичности изложения в рукописи была вместе с тем и проверкой правильности, критикой того расположения текста в первой главе «Немецкой идеологии», которое было принято в наших изданиях.

Традиция не выдерживает критики

В начале 1965 г. наметилась возможность подготовить и осуществить новую публикацию первой главы «Немецкой идеологии». Начался новый этап работы.

Теперь необходимо было решить двуединую задачу: во-первых, окончательно обосновать неправильность расположения текста главы во всех существующих изданиях и, во-вторых, — и это должно было стать лучшим доказательством неправильности традиционного расположения текста — противопоставить существующим изданиям окончательно подготовленный текст новой публикации. Половина этой положительной работы уже была проделана: уже существовал макет главы с расположением текста в соответствии с рукописью. Оставалась не менее сложная задача: недостаточно было правильно расположить текст, его необходимо было еще и правильно расчлениТЬ. Но в этом трудном деле можно было опереться на богатый опыт, накопленный в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС за многие годы работы по публикации рукописного наследия Маркса и Энгельса. Этот опыт был накоплен главным образом при подготовке первых научных изданий таких работ Маркса и Энгельса, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Диалектика природы» и «Теории прибавочной стоимости» (т. IV «Капитала»), и он связан прежде всего с именем выдающегося специалиста в этой области Владимира Константиновича Брушлинского. Если опустить конкретное описание и эмпирический анализ опыта и прямо перейти к его общим результатам, то главное можно резюмировать следующим образом.

В трех указанных случаях, так же как и в «Немецкой идеологии», мы имеем дело с рукописями незавершенными и при жизни

Маркса и Энгельса не опубликованными. Это в отличие от небольших работ (статей, заметок и т. п.) рукописи сравнительно большие и сложные по содержанию. Каждая из них представляет собой не единую рукопись, а текст, состоящий из нескольких относительно самостоятельных частей, или же основной текст с добавлениями к нему. Все они первоначально были опубликованы более или менее неправильно: «Экономическо-философские рукописи» в 1927 г., «Диалектика природы» в 1925 г., а также в 1935 г., «Теории прибавочной стоимости» в 1905—1910 гг.²¹ Первые научные издания этих произведений были осуществлены соответственно в 1932 г. (MEGA, существенно улучшенное издание на русском языке в 1956 г.), в 1941 г. и в 1954—1961 гг.²² Специфическая особенность подготовки научно правильных публикаций таких незавершенных, больших и сложных рукописей сводится по существу к правильному расположению и правильному расчленению текста. Под расчленением текста следует понимать адекватное его содержанию разделение текста на части, главы, параграфы и т. д. и формулирование заголовков этих подразделений. Но правильное расположение и расчленение текста предполагает глубокое проникновение в содержание и общий смысл рукописи. Ведь система расчленения текста должна раскрыть для читателя внутреннюю логику произведения Маркса и Энгельса.

Как же с точки зрения этого критерия (правильности расположения и расчленения текста) обстоит дело с публикацией первой главы «Немецкой идеологии»? К сожалению, с этой точки зрения ни одно из наличных изданий не выдерживало критики.

По расположению и расчленению текста первой главы «Немецкой идеологии» все существовавшие до 1965 г. издания (во всех странах) сводились к двум основным типам: первый соответствует изданиям 1924 и 1926 гг., второй — изданиям 1932 и 1933 гг. Первая глава «Немецкой идеологии» была впервые опубликована Институтом Маркса и Энгельса в 1924 г. на русском языке («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1. М., 1924) и в 1926 г. на языке оригинала («Marx — Engels Archiv», Bd. 1)²³. Первое полное издание дошедшей до нас рукописи «Немецкой идеологии» было осуществлено Институтом Маркса — Энгельса — Ленина в 1932 г.

²¹ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. III. М.—Л., 1927, стр. 247—286; «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. II. М.—Л., 1925; MEGA. F. Engels. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Dialektik der Natur. Sonderausgabe. Moskau-Leningrad, 1935; K. Marx. Theorien über den Mehrwert. Herausgegeben von K. Kautsky, Bd. I—III. Stuttgart, 1905—1910.

²² MEGA, Abt. I, Bd. 3. Berlin, 1932, S. 29—172; К Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 517—642; Ф. Энгельс. Диалектика природы. [М.], 1941; К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I—III. М., 1954—1961.

²³ Заслуга этой первой публикации принадлежала директору Института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязанову. Ему же удалось восстановить в общих чертах структуру «Немецкой идеологии» в целом.

на языке оригинала (MEGA, Abt. I, Bd. 5) и в 1933 г. на русском языке (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV). Таким образом, дважды нам принадлежал приоритет в публикации одного из важнейших произведений Маркса и Энгельса. В соответствии с публикациями 1924—1926 и 1932—1933 гг. и на их основе были осуществлены многочисленные издания отдельно первой главы и всей «Немецкой идеологии» как в нашей стране, так и в других странах; общее число этих изданий превысило 50.

В публикации 1924—1926 гг. в основу расположения текста первой главы был положен принцип расположения текста в соответствии с рукописью. Но этот правильный сам по себе принцип не был проведен последовательно: в расположении текста было допущено несколько крупных ошибок. Текст главы был напечатан по существу в нерасчленном виде. Все это было следствием того, что полученная в 1923 г. рукопись (фотокопия) еще не была изучена в достаточной степени. Даже сам выбор правильного принципа носил скорее не сознательный, а чисто эмпирический характер, и, строго говоря, здесь не было никакого выбора в собственном смысле слова: очевидно, мысли о возможности иного расположения текста даже не возникало. В настоящее время эта публикация представляет чисто исторический интерес.

В публикации 1932—1933 гг. (о бесснорных достоинствах которой здесь нет необходимости говорить) было дано иное расположение текста, ставшее с тех пор традиционным в наших и наиболее распространенным во всех других изданиях.

Была предпринята попытка путем перестановок и расчленения текста превратить незавершенную рукопись в законченное произведение. Это решение было принято уже на стадии корректур пятого тома MEGA, между первой (1930 г.) и последней (1932 г.) корректурами. Между прочим, это нашло свое отражение в противоречии между основным текстом первой главы и вариантами этого текста, которые даны в конце тома: последовательность, в которой даются варианты, совершенно не соответствует той последовательности, в которой дан основной текст.

В издании 1932 г. была сделана попытка специально мотивировать новое расположение и расчленение текста, а в предисловиях В. В. Адоратского к обоим изданиям вся мотивировка была сформулирована весьма лаконично: «Эта оставшаяся незавершенной рукопись была снабжена Марксом многочисленными пометками на полях, которыми мы руководились при редактировании»²⁴. Подготовителями этих изданий были соответственно П. Л. Веллер и Б. Э. Быховский, редактором обоих изданий — тогдашний директор ИМЭЛ В. В. Адоратский.

Итак, в изданиях «Немецкой идеологии» 1932—1933 гг. исходили из того, что, поскольку рукопись первой главы дошла до нас

²⁴ MEGA, Abt. I, Bd. 5, S. XVII, 561—563; К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 1, т. IV, 1933, стр. XV.

в незавершенном виде, ее необходимо подвергнуть редактированию, т. е. изменить расположение материала (и расчленив его) так, как это сделали бы Маркс и Энгельс, если бы они подготовили ее для печати. Абстрактно говоря, такая постановка вопроса, может быть, и допустима (хотя есть основания считать, что, готовя эту рукопись к печати, Маркс и Энгельс не ограничились бы иной компоновкой наличного текста, но вынуждены были бы переработать и переписать главу заново). Однако в данном конкретном случае задача является неразрешимой. Завершить работу над рукописью могли только сами авторы — Маркс и Энгельс.

Расположение материала органически связано с его расчленением. В рукописи первой главы, помимо ее общего названия «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений», имеется два заголовка внутри текста: «Идеология вообще, немецкая в особенности» и «Отношение государства и права к собственности». Этим двум темам соответствует лишь незначительная часть всего текста. На полях рукописи имеются многочисленные пометки Маркса (почти все они в издании 1932 г. указаны в подстрочных примечаниях). Подготовители изданий 1932—1933 гг. истолковали эти пометки как необходимые и достаточные указания для перепланировки и расчленения всей главы. В результате ряд пометок был интерпретирован как заголовки отдельных частей текста (хотя это правомерно только в одном случае: значение, близкое к названию части текста, имеет только пометка «История»). Такая интерпретация является совершенно неправильной, в чем нетрудно убедиться, если внимательно просмотреть все пометки и сопоставить их с текстом, к которому они относятся.

Исходя из такой ложной посылки, рукопись первой главы была подвергнута радикальной перестройке и расчленению. Текст был раздроблен примерно на 40 фрагментов, и относительное расположение каждого такого фрагмента было изменено. Многочисленные перестановки текста привели к тому, что действительные логические связи были порваны и заменены искусственными, а в некоторых случаях даже мнимыми. Часть редакционных заголовков не соответствует тексту, а все расчленение в целом, можно сказать, лишено смысла, поскольку оно не соответствует замыслу и концепции Маркса и Энгельса. В результате всего этого текст главы был по существу превращен в совокупность не связанных между собой фрагментов, отдельных положений и цитат.

Однако вся ошибочность такого расположения и расчленения текста первой главы становится очевидной только после того, как выясняются истинная последовательность написания и действительная структура рукописи. Без этой необходимой предпосылки положительная критика данного типа издания, ставшего у нас традиционным, была практически почти невозможна. Ведь противоречия, возникающие из неправильного расположения и расчленения

текста, не сразу бросались в глаза. Более того, там, где внимательный читатель чувствовал отсутствие логических переходов и замечал другие несоответствия, он относил их на счет незавершенности рукописи, так как «невооруженным глазом» проверить возникающие сомнения было чрезвычайно трудно или даже просто невозможно.

Теперь, когда всем существовавшим изданиям противопоставлена новая публикация первой главы «Немецкой идеологии», нетрудно указать на многие ошибки и недостатки в публикации 1932—1933 гг. Рассмотрим несколько наиболее существенных и наглядных примеров (стр. по 3-му тому второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса).

В трех случаях редакционные заголовки явно не соответствуют тексту, к которому они даны.

1) Стр. 36: О производстве сознания. Этот заголовок дан без квадратных скобок. В МЕГА (т. е. в издании 1932 г.) еще было указано, что это пометка Маркса на полях рукописи, относящаяся к определенному месту текста, пометка, которую редакция превратила в заголовок. Во всех изданиях «Немецкой идеологии» на русском языке (т. е. начиная с издания 1933 г.) эти сведения о происхождении заголовка были опущены, и тем самым была создана иллюзия, что этот заголовок принадлежит Марксу и Энгельсу. Текст, к которому дан этот заголовок, представляет собой набор из пяти фрагментов, взятых из разных частей рукописи. Пометка Маркса «О производстве сознания» фиксирует один из пунктов, затронутых лишь в одном абзаце, против которого она стоит. Эта пометка сделана над тремя вставками Маркса, которые находятся на полях ниже: «То, что действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений, ясно из сказанного выше». После слов «вступают в практическую связь с производством» вторая вставка: «(также и духовным)». Ниже третья вставка: «(всем тем, что создано людьми)» — имеются в виду не только продукты материального производства, но и продукты духовного производства: идеи, представления, сознание. За пределами этих трех вставок, строго говоря, даже в этом абзаце тема о производстве сознания не затрагивается. Анализ содержания искусственно созданного параграфа «О производстве сознания» показывает, что ни о каком производстве сознания здесь в сущности нет и речи, что заголовок и содержание текста совершенно не адекватны друг другу.

2) Стр. 65: Естественно возникшие и созданные цивилизацией орудия производства и формы собственности. Этот заголовок соответствует содержанию только двух первых абзацев параграфа, т. е. одной странице из пяти. Следующие три страницы взяты из той части рукописи, где развивается теория классов, рассматривается проблема: индивид и класс. Содержание этих трех страниц: развитие противоречия между производительными силами и формой общения в условиях

крупной промышленности и свободной конкуренции, противоположность между трудом и капиталом, необходимость, условия и результаты уничтожения частной собственности. Последняя страница параграфа (1-й абзац) взята из той части рукописи, где излагаются результаты материалистического понимания истории. Этот последний абзац отделен от предыдущего текста тремя звездочками, что не изменяет основного факта: он не связан с предыдущим текстом, он вырван из его естественной связи и поставлен в мнимую.

3) Стр. 70: Коммунизм. — Производство самой формы общения. Здесь, как и в первом рассмотренном нами случае, отсутствие квадратных скобок порождает иллюзию, что такой заголовок дан Марксом и Энгельсом. Пометка «Коммунизм» в этой части рукописи вообще отсутствует. Выражение «Производство самой формы общения» является не общим названием темы этой части рукописи, а лишь пометкой Маркса на полях, которая относится к следующему положению: «Условия, при которых происходит общение индивидов, — пока еще не возникло указанное выше противоречие (между этими условиями и индивидами, противоречие между производительными силами и формой общения, т. е. производственными отношениями. — Г. Б.), — представляют собой условия, относящиеся к их индивидуальности и не являются чем-то внешним для них; это — условия, при которых эти определенные, существующие в определенных отношениях индивиды только и могут производить свою материальную жизнь и то, что с ней связано; следовательно, они являются условиями самодеятельности этих индивидов и создаются они этой их самодеятельностью» (стр. 72). То есть в период, пока не возникло противоречие между производительными силами и производственными отношениями, люди, производя свою материальную жизнь, сами создают свои производственные отношения. Следовательно, материальное производство является и производством самой формы общения. Эту важную мысль и фиксирует пометка Маркса. Что касается общей темы этого фрагмента рукописи, то его содержание сводится к следующему: противоречие между индивидами и условиями их жизнедеятельности как противоречие между производительными силами и формой общения, развитие производительных сил и смена форм общения. Строго говоря, первая часть заголовка этого раздела главы относится лишь к первым 20 строкам, а вторая часть заголовка не соответствует ни первому, ни всем десяти фрагментам, из которых этот раздел составлен. Более того, двойной заголовок «Коммунизм. — Производство самой формы общения» порождает у читателя еще одну иллюзию: будто коммунизм и есть производство самой формы общения. Что такое понимание является по существу неправильным, ясно видно из приведенного выше положения. Если же в заголовке указаны две различные темы, то непонятно, почему в соответствии с этим и текст не расчленен на две части.

Таким образом, по крайней мере три из шести редакционных заголовков не соответствуют тексту. Следует, однако, добавить, что и совокупность заголовков не отражает действительного содержания главы.

Рассмотрим отдельные примеры неправильных связей и переходов.

1) Несколько существенных ошибок допущено в расположении материала на стр. 32—34, имеющих очень важное теоретическое значение (коммунизм как действительное движение, предпосылки коммунистической революции, идея диктатуры пролетариата и т. д.). Здесь подготовитель столкнулся с особой трудностью. Текст дан в рукописи в виде двух параллельных столбцов. Ни в одном издании не удавалось рациональным образом расположить этот материал. Эту довольно сложную задачу можно решить только исходя из анализа содержания рукописи.

Стр. 34. Маркс и Энгельс впервые делают вывод о возможности победы пролетарской революции лишь одновременно в передовых капиталистических странах: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное „сразу“, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения». В принятом расположении далее непосредственно следует: «Как в противном случае могла бы, например, собственность иметь вообще какую-нибудь историю, принимать различные формы» и т. д. (см. текст) — мотивировка, лишенная всякого смысла. Однако она обретает рациональный смысл, если поставить ее в связь с тем текстом, который действительно предшествовал ей в рукописи. Этот непосредственно предшествующий ей текст разорван в принятом расположении на две части (см. стр. 32, строки 13—18 сверху; стр. 33, строки 13—25 сверху) и оторван от своего продолжения. Смысл этого предшествующего в рукописи текста: «отчуждение социальной деятельности, а словами «Как в противном случае» и т. д. начинается мотивировка, точнее, иллюстрация этого явления на конкретных примерах.

Стр. 34. Маркс и Энгельс формулируют важнейшее положение. Это — очень известное место: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой». Во-первых, читателю не вполне ясно, о какой предпосылке идет речь. Это потому, что данный вывод оторван от предшествовавшего ему текста, из которого становилось ясно, что материальной предпосылкой коммунизма является высокая степень развития производительных сил (см. стр. 33). Во-вторых, непосредственно за приведенным местом следует весьма странное и непонятное читателю пояснение: «Впрочем, наличие массы людей, жи-

вущих *только* своим трудом... предполагает, в силу конкуренции, существование *мирового рынка*. Пролетариат может существовать, следовательно, *только во всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как „всемирно-историческое“ существование». Однако это пояснение становится ясным и понятным, если учесть, что в рукописи оно следует непосредственно за приведенным выше положением: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов» и т. д.

2) Дополнительными примерами отсутствия логической связи в принятом расположении могут служить мнимые переходы на стр. 36 («Таким образом» и т. д.) и на стр. 69 («Наконец» и т. д.).

Часто действительные связи подменяются чисто внешними. См., например, расположение абзаца о завоевании на стр. 21—22 и абзаца о захвате на стр. 74, фрагмента о жилищном строительстве на стр. 28 и т. д.

Возьмем для примера первый из упомянутых здесь случаев — абзац о завоевании на стр. 21—22. Этот вставной абзац разрывает связанное изложение второй (античной) формы собственности. Действительная связь существует между первым абзацем 21-й страницы и вторым абзацем 22-й страницы, так как эти два абзаца дают непрерывное и целостное изложение второй формы собственности. Второй из этих двух абзацев начинается прямым указанием на то, что было сказано в первом абзаце: «С развитием частной собственности здесь впервые устанавливаются те отношения, которые...» и т. д. Эта непосредственная связь теперь разорвана вставным абзацем. В то же время существует действительная, прямая и непосредственная связь между этим вставным абзацем и следующим за ним в рукописи абзацем, который в рассматриваемом тексте фигурирует как первый абзац на стр. 74, т. е. оторван от этого вставного абзаца на стр. 21—22 и отделен от него полусотней страниц. Оба эти абзаца составляют в рукописи единый фрагмент, посвященный теме: роль насилия (завоевания) в истории. Поводом для перемещения одного из двух абзацев, посвященных этой теме, в ту часть текста, где рассматривается античная форма собственности, послужила чисто внешняя связь: в этом абзаце роль насилия в истории рассматривается на примере завоевания Рима варварами. Но ведь в начале изложения вопроса о роли насилия авторы сами указывают, что это лишь первый из намеченных к рассмотрению примеров: «Мы можем здесь остановиться лишь на главных моментах и выбираем поэтому наиболее разительный пример — разрушение старой цивилизации варварским народом и образование заново, вслед за этим, иной структуры общества (Рим и варвары, феодализм и Галлия, Восточно-римская империя и турки)». В данном абзаце предметом рассмотрения является не вторая форма собственности, а роль завоевания в истории, и тема «Рим и варвары» фигурирует здесь не как материал, относящийся к античной фор-

ме собственности, а как один из примеров завоевания. Отсюда становится ясно, что при такой перестановке текста действительные связи разрываются и заменяются искусственными. Это приводит к целому ряду дополнительных недоразумений. Вставной абзац начинается так: «Всему этому пониманию истории как будто противоречит факт завоевания». Но до того места, куда вставлен этот абзац, еще не было и речи не только о «всем этом понимании истории», но даже о его сущности. Далее в этом абзаце встречается ссылка: «У варварского народа-завоевателя сама война является еще, как уже было выше указано, регулярной формой сношений». Но ничего подобного «выше» читатель, естественно, не находит. Все это наглядно иллюстрирует недопустимость такого рода перестановок текста.

Следует также отметить, что при таком расположении материала изложение в конце главы не заканчивается, а просто прекращается.

Все перечисленные в виде примеров и все неупомянутые здесь ошибки и недостатки этого расположения являются закономерным следствием того, что внутренне логичный текст рукописей, из которых состоит первая глава «Немецкой идеологии», был расчленен почти на 40 фрагментов и положение каждого относительно других было изменено.

Авторы этого расположения исходили из двух в целом ошибочных предпосылок. Во-первых, поскольку работа Маркса и Энгельса над этой главой действительно не была завершена, они предположили, что публиковать главу в соответствии с расположением материала в дошедшей до нас рукописи нецелесообразно и невозможно. При этом молчаливо предполагалось, что необходимая внутренняя логика в рукописи отсутствует или по меньшей мере недостаточна и поэтому должна быть восполнена в результате работы редактора, т. е. путем перестановок и расчленения текста. Во-вторых, они предположили, что рукопись содержит достаточное количество указаний Маркса и Энгельса, необходимых для ее доработки.

Теперь можно считать более чем доказанным, что ни эти предпосылки, ни само традиционное расположение и расчленение текста не выдерживают критики.

Общий вывод: с точки зрения такого критерия научности, как правильность расположения и расчленения текста, обе публикации первой главы «Немецкой идеологии» — публикации 1924—1926 и 1932—1933 гг., а следовательно, и все издания, существовавшие до 1965 г., являются неудовлетворительными. Следовательно, необходима новая, действительно научная публикация.

Вопрос о том, как правильно расположить текст главы, был в принципе решен еще в 1963 г.: расположить надо в соответствии с рукописью. В 1965 г., решался следующий вопрос: как правильно расчленил текст. Не будем задерживаться на промежуточной проблеме, возникшей при подготовке текста: как опубликовать два частично совпадающих беловых варианта начала главы. Было решено, специально оговорив это в публикации, объединить оба варианта, включив в текст основного (второго) варианта беловика ту часть первого беловика, которая не была использована во втором беловике, и опубликовать этот объединенный беловой текст начала главы в виде ее первой части, а три черновые части рукописи опубликовать далее в хронологическом порядке как вторую, третью и четвертую части главы. Так из пяти составных частей рукописи было решено сделать в публикации четыре части главы. Но на мотивировке такого решения об общей структуре главы мы не будем здесь останавливаться²⁵. Значительно сложнее решался вопрос о «тонкой структуре» главы — вопрос о ее расчленении на параграфы.

Для того чтобы окончательно решить вопрос о расчленении текста, необходимо было уже не в общих чертах, а совершенно конкретно проследить внутреннюю логику изложения, выяснить не только структуру рукописи, но и структуру ее содержания, понять внутренний смысл каждого фрагмента, каждой части и всей рукописи в целом и раскрыть это для читателя в виде системы расчленения и оглавления текста.

Напомним, что первая гипотеза относительно содержания текста, которая была сформулирована и проверена, констатировала логичность изложения. Теперь необходимо было сделать следующий шаг вперед — выяснить, в чем же заключается эта логика, раскрыть логическую структуру содержания рукописи. В ходе решения этой новой задачи была сформулирована и подвергнута проверке вторая, более конкретная гипотеза. Подтверждение ее дало ключ к правильному расчленению текста. На этой стадии исследования необходимость единства анализа содержания и структуры рукописи выявилась особенно резко.

Работа началась с расчленения текста на более или менее целостные фрагменты и с обобщения содержания каждого такого куска текста в виде редакционного заголовка к нему. При этом анализ содержания постоянно сопровождался обращением к самой рукописи: авторские заголовки, пробелы, разделительные черты и т. д. — все эти внешние особенности текста рукописи существенно помогли смысловому расчленению изложения.

²⁵ О необходимости его см. «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 111.

Вот пример, показывающий, как взаимодействовали между собой анализ содержания рукописи и анализ ее структуры. Расчленение рукописи начиналось с деления ее на части, далее — на параграфы и в пределах каждого параграфа доходило до членения текста на абзацы. Для выделения абзаца необходимо было исходить не просто из содержания текста, но и из авторского членения текста на абзацы и так называемые полуабзацы. И вот в одном из случаев, исходя из анализа содержания какого-то фрагмента текста, мы пришли к выводу, что в данном абзаце русского перевода соединены две существенно различные мысли, которые лучше было бы дать в виде двух различных абзацев. Обращаемся к рукописи, нет ли там какого-либо повода для такого расчленения текста. Оказывается, изложение первой мысли заканчивается неполной последней строкой на одной странице рукописи, а изложение второй мысли начинается с новой страницы рукописи, но это новое предложение, которым начинается страница, написано без обычного для красной строки отступа. Формальный повод для расчленения текста на два абзаца уже есть. Но, быть может, мы столкнулись с явлением, которое следует обобщить? Может быть, из этого частного случая надо сделать более широкие выводы? Не следует ли осуществить операцию, которую условно можно было бы назвать «генерализацией»? (Пример из другой области. Мы проверяем работу и обнаруживаем ошибку или просто случайно наталкиваемся на ошибку в данной работе. Выясняем причину ошибки. После этого необходимо проверить, не привела ли эта причина к другим ошибкам, которых мы еще не обнаружили. Это тоже «генерализация». Иначе говоря, это один из вариантов сочетания индукции и дедукции, мысль движется так: данное частное — общее — новое частное.) Начинаем просматривать всю рукопись сплошь, и обнаруживается не замеченный ранее факт: когда абзац начинается с новой страницы, т. е. когда начало абзаца и начало страницы совпадают, Энгельс пишет первое слово без отступа от края страницы. Немедленно извлекаем из этого практически следствия: обращаемся к тем местам текста, где в рукописи обнаружены теперь новые начала абзацев: проверяя результат формального анализа рукописи, анализируем содержание этих мест; убеждаемся в том, что во всех этих случаях действительно имеет место переход от одной мысли к другой, и поэтому вводим в текст главы несколько новых членений на абзацы. Так, в частности, осуществлялись в процессе нового исследования рукописи первой главы «Немецкой идеологии» взаимодействие и единство анализа содержания рукописи и анализа ее структуры.

Формулировка названий отдельных параграфов не могла быть конечной целью расчленения текста. Как бы удачно ни было наименование каждого отдельного параграфа, это еще предварительная, так сказать «метафизическая» стадия работы, когда содержание каждого параграфа берется и рассматривается изолированно,

само по себе, вне связи с целым. Конечная цель заключалась в том, чтобы в системе расчленения и оглавления всего текста представить его содержание не как сумму разрозненных фрагментов, а как диалектически расчлененное целое. А для этого необходимо было понять внутреннюю логику всей рукописи, общую структуру ее содержания. Процесс выявления этого внутреннего смысла каждой части и всей рукописи в целом и окончательное расчленение и оглавление текста был по существу двуединый процесс всей дальнейшей работы.

Уже на очень ранней стадии исследования, собственно, даже с самого начала было ясно, что отдельные части, из которых сложилась рукопись первой главы, взаимно дополняют друг друга. Но как они дополняют друг друга, это стало проясняться только теперь. Когда вчерне рукопись была расчленена и озаглавлена, бросились в глаза определенные аналогии в структуре ее отдельных составных частей. Так, хронологически первая часть рукописи (в новой публикации вторая часть главы) и оба беловика начинаются с общей критической характеристики немецкой послегегелевской философии, а затем идеализму младогегельянцев противопоставляется изложение материалистического понимания истории. В хронологически первой части рукописи и в последнем беловике сначала излагается материалистическая концепция истории, а затем резюмируется сущность материалистического понимания истории. В первой, второй и четвертой частях главы, хотя и с различной степенью конкретности, рассматриваются основные исторические ступени развития материального производства как основы человеческого общества. Причем в первой части, где рассматриваются основные исторические формы собственности — племенная, античная, феодальная, — изложение не завершено; зато в четвертой части подробно рассматриваются предыстория и история последней, буржуазной формы частной собственности. В четвертой части после анализа исторического развития производства следует рассмотрение общественных отношений и политической надстройки, а во второй части после рассмотрения сферы производства намечен в виде плана переход к сфере общественных отношений и политической надстройки. В хронологически первой части рукописи после изложения материалистического понимания истории следует переход к критике идеалистического понимания истории и критике Фейербаха; в последнем беловике этого перехода еще нет, поскольку текст беловика остался незавершенным, но такой переход был здесь необходим уже потому, что в начале беловика стоит авторский заголовок «Фейербах», а до критики Фейербаха изложение в беловике еще не дошло. Перечень таких параллелей можно было бы значительно увеличить. Стало ясно одно: все эти аналогии указывали на некоторый общий план, который лежит в основе изложения и более или менее полно реализуется в каждой из пяти составных частей рукописи, и в соответствии с этим общим

планом отдельные части рукописи взаимно дополняют одна другую.

Каждая из частей рукописи представляла собой как бы общий эскиз всей картины или отдельный фрагмент картины. Отдельные штрихи целого повторялись в различных частях рукописи. Выявить этот общий план помогли два обстоятельства.

Во-первых, можно было заметить, что в двух местах рукописи Маркс и Энгельс резюмируют сущность материалистического понимания истории, и последовательность элементов этой концепции совпадает с последовательностью изложения в значительной части текста. Возьмем резюме на 24-й странице черновой рукописи: «Итак, это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — т. е. гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. и т. д., и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно будет изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами)» и т. д. Итак: производство — общество — государство — сознание — такова основная последовательность. Но разве не в той же последовательности разворачивается изложение в хронологически первой, третьей и пятой частях рукописи!

Во-вторых, на помощь пришли некоторые общетеоретические, точнее, методологические соображения. Существует диалектико-материалистическая закономерность: предмет исследования определяет метод исследования. Что является предметом исследования и изложения в первой главе «Немецкой идеологии»? Прежде всего материалистическое понимание истории. Эта концепция, как и всякая теория, имеет определенную структуру. Возникает вопрос: не определяет ли структура материалистического понимания истории структуру изложения в рукописи первой главы «Немецкой идеологии»? У нас уже есть достаточно оснований, чтобы предположить: да, определяет!

Так возникла следующая, вторая гипотеза относительно содержания первой главы «Немецкой идеологии»: структура материалистического понимания истории определяет структуру содержания рукописи, логика исторического материализма определяет последовательность изложения в рукописи. Проверка и подтверждение этой гипотезы и привели к решению задачи о правильном расчленении текста, к расчленению текста адекватно его содержанию.

Правильность гипотезы проявляется в том, что она «работает». Посмотрим же, как работала эта гипотеза, как она помогала понять смысл отдельных высказываний, содержание того или иного фрагмента, той или иной части рукописи и всей рукописи в целом. При этом будем ссылаться на части и параграфы новой публикации первой главы «Немецкой идеологии».

Возьмем вторую часть главы. Это хронологически первая часть рукописи, первоначальное ядро всей главы. Отчасти поэтому здесь встретился целый ряд трудностей для понимания и расчленения текста.

Прежде всего отметим, что правильное решение вопроса о расположении текста позволило естественно и без труда включить в текст этой части главы два новых фрагмента, которые были найдены и опубликованы четыре года назад в Амстердаме²⁶. Эти новые фрагменты представляют собой соответственно две первые и две последние страницы этой части рукописи. При публикации в Амстердаме происхождение и смысл первого фрагмента не были поняты, так как понять место этого фрагмента в рукописи можно только тогда, когда знаешь последовательность ее написания и ее структуру. Этот фрагмент представляет собой две хронологически самые первые страницы дошедшей до нас рукописи. Ему предшествовали, по-видимому, две перечеркнутые страницы. Таким образом, в наши руки попало почти самое начало всей рукописи «Немецкой идеологии», две из ее самых первых страниц. В новой публикации первой главы «Немецкой идеологии» этот фрагмент впервые включен в общий текст главы как § 1 ее второй части.

Определенную трудность представляло обобщение содержания § 3. То, что весь текст этого параграфа написан с некоторой общей точки зрения, было ясно. На это указывали уже чисто внешние признаки: «первый исторический акт», «второй факт», «третье отношение», «эти три стороны социальной деятельности», «лишь теперь, после того как мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первичных, исторических отношений, мы находим, что человек обладает также и „сознанием“» и т. д. Но что общего между такими, казалось бы, разнородными явлениями, как материальное производство, потребности, семья, общественные отношения и сознание, о которых идет речь в данном параграфе? И только внимательный анализ текста в сочетании с той общей ориентировкой в этом разнообразном эмпирическом материале, которую дает нам уже сформулированная гипотеза, позволяет вдруг схватить то общее, что связывает эти, на первый взгляд столь разнородные явления: да ведь это же пять видов производства! Производство жизненных средств, производство потребностей, производ-

²⁶ «International Review of Social History», vol. VII, 1962, part 1, p. 93—104.

ство самих людей, производство общественных отношений и, наконец, духовное производство — производство идей, представлений, сознания. Проверяем догадку. Обращаемся к другим местам «Немецкой идеологии» и к другим произведениям Маркса и Энгельса. И везде находим подтверждение: и в самой «Немецкой идеологии», и в «Экономическо-философских рукописях», и в «Нипцете философии», и в «Капитале», и в письмах Маркса и Энгельса. Все правильно. В § 3 начинается положительное изложение материалистического понимания истории. Если наша гипотеза правильная, это изложение должно начинаться с рассмотрения предпосылок материалистического понимания истории и с рассмотрения материального производства как основы всей жизни общества. Так оно и есть. За видимой хаотичностью изложения скрывается строгая логика. Цель параграфа — показать, что материальное производство определяет основные стороны социальной деятельности, которые сами уже выступают как различные виды производства. Раз понят общий смысл параграфа, то теперь ясно, как сформулировать его основное содержание в виде редакционного заголовка.

Аналогичные и вместе с тем специфические трудности представляли понимание и обобщение содержания § 4. И здесь перед нами та же непонятная на первый взгляд разнородность: речь идет о частной собственности, о государстве, об «отчуждении» социальной деятельности. Что тут общего? Ключ к пониманию общей связи дало сопоставление с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года». Оказывается, эти три, по видимости, разнородных явления соответствуют трем основным видам отчуждения, сформулированным в «Экономическо-философских рукописях». А в «Немецкой идеологии» они рассматриваются как три следствия разделения труда. Специфическая трудность этого и следующего параграфа заключалась в том, что здесь в рукописи к основному тексту сделано так много добавлений, что в результате мы имеем как бы два параллельных текста, и объединить их в единый текст можно, только разобравшись в довольно сложном содержании этих страниц рукописи. Во всех существовавших изданиях отдельные куски рукописи первой главы «Немецкой идеологии» воспроизводились правильно, но расположение и расчленение текста в этих изданиях было неправильным. Но ни в одном издании не удалось дать правильного расположения текста, относящегося к §§ 4 и 5 второй части главы. Это и понятно: ведь никакое внешнее изучение рукописи тут помочь не могло. Единственным путем к правильному расположению и расчленению этого сложного текста было изучение его содержания, проникновение во внутренний смысл этих запутанных страниц рукописи.

Содержание § 5 самого по себе, после того как текст был расположен в правильной последовательности, понять и сформулировать в заголовке было несложно: здесь речь идет о развитии производительных сил как материальной предпосылки коммунизма.

Но вот в чем заключалась истинная проблема: мы поняли уже смысл каждого из трех параграфов (§§ 3—5) в отдельности; из кажущегося хаоса (производство, потребности, семья, общественные отношения, сознание, частная собственность, государство, «отчуждение» социальной деятельности, коммунизм), из всего этого калейдоскопа тем выступило некоторое относительное единство, правда пока что в пределах каждого отдельного параграфа (основные стороны социальной деятельности, разделение труда, коммунизм); но есть ли какая-либо связь между этими разнородными параграфами, поддается ли их содержание дальнейшему обобщению, можно ли еще глубже проникнуть в смысл всего этого текста? И здесь снова начинает плодотворно работать наша общая гипотеза. Накладывая общую структурную схему материалистического понимания истории на эмпирический материал второй части главы, удастся, наконец, уловить общую связь этих трех параграфов. Предметом рассмотрения во всех трех параграфах является производство, главные исторические фазы его развития: в доклассовом, классовом и будущем бесклассовом обществе. Производство определяет все основные стороны социальной деятельности, которые вместе с тем представляют собой и первичные исторические отношения. Развитие разделения труда, переход от естественного к общественному (классовому) разделению труда обуславливает переход от доклассового к классовому обществу. Вместе с общественным разделением труда развиваются вторичные исторические отношения: частная собственность, государство, «отчуждение» социальной деятельности. Дальнейшее развитие производительных сил, лежавшее в основе развития разделения труда, создает материальные предпосылки коммунистической революции. Эта революция уничтожает разделение общества на классы и вместе с тем частную собственность, государство, «отчуждение» социальной деятельности (труд, производственная деятельность по внешнему принуждению превращается в подлинную самодеятельность людей). Такова общая концепция, связывающая воедино все разнообразное содержание §§ 3—5 второй части главы.

Следующий § 6 посвящен изложению выводов, вытекающих из материалистического понимания истории. А где же остальные элементы материалистического понимания истории, почему вслед за производством не рассматриваются структура общества, различные элементы надстройки? Неужели наша гипотеза перестает работать, и ради ее спасения надо закрыть глаза на этот противоречащий ей факт? Но ведь анализ противоречий, в частности противоречий между общими положениями теории и несоответствующими им эмпирически установленными фактами,— это путь развития и углубления нашего познания. Обращаемся к рукописи. Здесь между §§ 5 и 6 полстраницы текста: «Форма общения, на всех существовавших до сих пор исторических ступенях обуславливаемая производительными силами и в свою очередь их обуславливающая,

есть *гражданское общество*». И далее: «До сих пор мы рассматривали главным образом только одну сторону человеческой деятельности — *обработку природы* людьми. Другая сторона, *обработка людей людьми...*» (Против последней фразы на полях отчеркивание и пометка Маркса: «Общественное и производительная сила»). «Происхождение государства и отношение государства к гражданскому обществу». Конец страницы в рукописи не заполнен. Затем с новой страницы начинается изложение выводов, вытекающих из материалистического понимания истории.

Что представляют собой эти заметки на 19-й странице рукописи, как не переход к рассмотрению сферы общения, гражданского общества, общественных отношений, классовой структуры общества, как не план перехода затем к рассмотрению сферы политической надстройки. Ведь согласно концепции, сформулированной и развитой в «Немецкой идеологии», деятельность людей имеет две стороны: производство (отношение людей к природе) и общение (отношение людей друг к другу). Ведь сопоставление этих заметок во второй части главы с развернутым изложением намеченных здесь вопросов в четвертой части главы, где, в частности, мы находим специальный параграф с авторским заголовком «Отношение государства и права к собственности», выявляет полное единство общего плана изложения и полную справедливость нашей гипотезы. Таким образом, мы убеждаемся в том, что эта гипотеза не только верна, но она работает, она помогает увидеть и понять факты, которые в противном случае остались бы либо не замечены, либо не поняты.

Итак, на 19-й странице рукописи проходит разделение второй части главы на две половины. Временно опуская дальнейшее изложение материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс сразу переходят к выводам и резюмированию сущности своей концепции. Теперь становится понятным и замечание на 17-й странице рукописи относительно классовых интересов: «Как мы покажем в дальнейшем». Маркс и Энгельс предполагали сделать это в том разделе изложения материалистического понимания истории, который был затем пропущен во второй части главы; но позднее тема формирования классовых интересов была разработана в четвертой части главы. Возьмем для проверки нашей гипотезы четвертую часть главы. Пожалуй, понять общую логическую структуру этой части рукописи было труднее всего. А ведь в конце концов выяснилось, что именно она по своему плану наиболее полно соответствует гипотетической схеме.

Самой трудной задачей было обобщение содержания второй половины этой части рукописи. Помогло применение гипотезы. Первая половина текста была достаточно ясна. Здесь прослеживались предыстория и основные ступени развития буржуазной формы собственности. Точнее говоря, так: § 1 — орудия производства и формы собственности — это в сущности вопрос о соотношении

производительных сил и производственных отношений; §§ 2—4.— развитие разделения труда и форм производства: цеховой строй, мануфактура, крупная промышленность; § 5 — противоречие между производительными силами и формой общения как основа социальной революции (этот параграф можно рассматривать и как переходный). Содержание этих параграфов обобщается в одной теме: производство. А дальше начинался очень сложный, разнообразный и фрагментарный текст. Тут и конкуренция, и жилищное строительство, и средние века, и индивиды, и классы, и коллективность индивидов, и коммунизм, и завоевание, и древний Рим, и необходимость уничтожения частной собственности, и гражданское общество и т. д. и т. д. А общая связь, в чем она здесь состоит? Не ясно. Много раз вновь и вновь делаются попытки уловить какую-то внутреннюю нить в этом лабиринте тем и понятий. И каждый раз она ускользает. А дальше, уже в конце рукописи следует текст, озаглавленный Марксом и Энгельсом: «Отношение государства и права к собственности», здесь опять все становится ясно. Но в чем же логический смысл промежуточного текста? И тут срабатывает наша гипотеза. Попробуйте наложить ее схему на текст четвертой части главы. Что получится? Производство — общение — политическая надстройка... Все ясно! Первые пять параграфов — производство. «Отношение государства и права...» — это, конечно, политическая надстройка. Между тем и другим должно быть общение! Снова, в какой уже раз, перечитываем загадочный текст. Ну, конечно же: здесь рассматриваются сфера общения, соотношение индивидов, классов и общества, классовая структура общества. Ключ найден! Но, разумеется, предстояло еще рациональным образом расчленив эту часть текста на параграфы и адекватно отразить содержание всего этого раздела в заголовках.

Быть может, наиболее эффектное применение нашей гипотезы и метода сочетания анализа содержания с анализом структуры рукописи произошло на самой последней стадии работы, уже на стадии корректур новой публикации первой главы «Немецкой идеологии». Эта публикация явилась первой наиболее полной публикацией текста главы не только потому, что в нее были включены два фрагмента, найденные в Амстердаме, но и потому, что в отличие от публикации 1932—1933 г. в конце главы были даны заметки Маркса, которыми завершается черновая часть рукописи. В четвертой части главы они следуют непосредственно за параграфом о государстве и праве. Долгое время конкретный смысл этих заметок оставался неясен. Общий же их смысл был очевиден: это заметки, подлежащие дальнейшей разработке.

Расчленив текст главы на параграфы, мы, естественно, стремились к тому, чтобы между содержанием и заголовком каждого параграфа было максимально возможное соответствие. Но при этом оставалось несколько небольших фрагментов текста, представляющих собой переходы и связи между различными раздела-

ми изложения (см. в брошюре стр. 47, 78, 95—96). Эти фрагменты были отделены от текста основных параграфов звездочками. Аналогичное выделение было принято первоначально и для заметок в конце рукописи. Но такое решение постоянно вызывало сомнения: случай явно не был аналогичным; это не столько осознавалось, сколько чувствовалось.

На протяжении всего хода исследования казалось, что в четвертой части главы затрагиваются не все основные разделы материалистического понимания истории и что эта неполнота компенсируется содержанием других частей главы. Размышляя над правильностью гипотезы применительно к тексту рукописи, приходилось констатировать некоторую неполноту совпадения нашей гипотетической схемы и наличного содержания рукописи первой главы, в частности ее четвертой части.

И вот однажды все эти полуинтуитивные, полусознанные соображения привели к вопросу: что есть в четвертой части главы и чего не хватает? Есть: производство — общение — политическая надстройка. Не хватает идеологической надстройки. А может быть, эта неполнота как-то компенсируется заметками в самом конце? Снова начинаем их перечитывать, но на этот раз с определенной программной установкой, ищем ответ на конкретно сформулированный вопрос. И вдруг как будто в темноте включили свет: из кажущегося хаоса выступило единство — ведь все эти столь различные предложения, все вместе и каждое в отдельности написаны на одну и ту же тему, и эта тема — идеологическая надстройка, точнее говоря, формы общественного сознания. Недостающее и искомое звено наконец найдено. Пусть читатель возьмет теперь новую публикацию, посмотрит текст последнего § 12 и сам убедится в том, что каждая фраза здесь имеет отношение к общей теме: формы общественного сознания.

Однако, если читать внимательно, все идет хорошо лишь до того места, где сейчас стоят три звездочки. С того же места, где в квадратных скобках указана 73-я страница рукописи, текст не укладывается в рамки нашей гипотезы. Попробуем прибегнуть к испытанному средству — заглянем в рукопись. Сразу бросаются в глаза два обстоятельства. Во-первых, основная часть заметок и конец заметок написаны на разных страницах (кстати, последняя, 73-я стр. в рукописи даже не пронумерована). Во-вторых, — присматриваясь — даже на фотокопии ясно видно, что они написаны Марксом по-разному, почерк несколько различается. Следовательно, заметки написаны в разное время и поэтому, естественно, могут различаться и тематически. Вдумаемся в содержание последних заметок. Что в них общего? О чем они? К чему могут относиться? Начинаем мысленно перебирать содержание первой главы. А если представить себе хронологическую последовательность рукописи? Ведь после этих заметок Маркс и Энгельс начали писать начало главы набело... О чем там в беловиках говорится?..

Эврика! Да ведь это же мысли, развитые затем во втором беловике (ч. 1, § 3), ведь это же нечто вроде конспекта начала главы. И все становится ясным. Впрочем, не совсем все. Отдельные лаконичные фразы в этих заметках еще надо расшифровать. Для этого (теперь это можно сделать с помощью предметного указателя) их надо сопоставить с соответствующими местами первой главы, где многие намеченные здесь мысли развернуты. Но если бы мы стали здесь демонстрировать, что хотел сказать Маркс словами: «Естествознание и история» или «Традиция — в области права, религии и т. д.», то это увело бы нас далеко. Укажем только на одно обстоятельство принципиальной важности. Теперь можно, так сказать, на ощупь проследить, как в «Немецкой идеологии» складывается концепция общественных формаций. Основное направление, по которому осуществляется подход к понятию общественной формации, — это анализ форм собственности. В этом плане необходимо сопоставить три места в первой главе «Немецкой идеологии», где последовательно развивается группировка форм собственности: в брошюре это стр. 96—97, 100—101 и 24—28.

Итак, предположение о том, что в рукописи первой главы «Немецкой идеологии» структура материалистического понимания истории определяет структуру изложения, его последовательность, полностью подтвердилось. Эта гипотеза продуктивно работала на всем протяжении той стадии исследования, когда решалась задача правильного расчленения текста, и она позволила эту задачу решить. В итоге мы получили новое расположение и расчленение текста.

Теперь наступила новая фаза работы. Прежде чем осуществить новую публикацию главы, необходимо было полученный результат «испытать на прочность». Это была стадия коллективной научной проверки предложения о новом расположении и расчленении текста. В этой фазе работы принял участие весь высококвалифицированный коллектив сектора Маркса—Энгельса Института марксизма-ленинизма: и представители старшего поколения, и молодежь — философы, экономисты, историки, специалисты по истории и теории марксизма. Тщательно проверялось все: правомерность критики существующих изданий, обоснованность и правильность нового расположения и расчленения текста, точность редакционных заголовков, восприятие читателем нового издания, преимущества новой публикации и многое другое. Проверка и обсуждение готового макета новой публикации позволили улучшить предложенный вариант, в частности уточнить расчленение и оглавление текста. Главный результат испытания был совершенно однозначен: «запас прочности» предложенного нового расположения и расчленения текста оказался достаточно велик. Новую публикацию первой главы «Немецкой идеологии» необходимо было осуществить.

Реконструкция плана

После того как столь счастливым образом удалось разобраться в содержании рукописи, стало возможно реконструировать общий план всей первой главы «Немецкой идеологии». Ни в одной из пяти составных частей рукописи он не реализуется полностью, но он реализуется в их совокупности. Не будем специально мотивировать реконструкцию этого плана, а воспроизведем его просто как результат:

- 1) Общая характеристика немецкой идеологии.
- 2) Предпосылки материалистического понимания истории.
- 3) Производство, общение, политическая надстройка, формы общественного сознания.
- 4) Выводы и резюме о сущности материалистического понимания истории.
- 5) Критика идеалистического понимания истории вообще, критика младогегельянцев и Фейербаха в особенности.

Структуру этого плана можно образно представить себе так: пункт 3 — ядро, пункты 2 и 4 — первая оболочка, пункты 1 и 5 — вторая оболочка.

Чтобы сделать наглядным соотношение между этим общим планом и содержанием каждой из четырех частей главы, представим это соотношение в виде таблицы (в скобках отдельные параграфы указаны тогда, когда к данному пункту общего плана имеет отношение не главный, а, так сказать, второй аспект содержания этого параграфа):

Пункт общего плана	Часть первая	Часть вторая	Часть третья	Часть четвертая
1)	Вводный § и § 1	§ 1 (§ 2)		
2)	§ 2	(начало § 3)		
3) а	§ 3	§§ 3—5		§§ 1—5
б	(§ 3)	(конец § 5)		§§ 5—10
в		(конец § 5)		§ 11
г	(§ 4)	(§ 3)	(§ 1)	§ 12
4)	§ 4	§§ 6—7		
5)		§§ 8—9, 2	§ 1	

Как видим, единство общего плана главы наглядно проявляется в том, что последовательность пунктов плана и последовательность параграфов совпадают.

Теперь, вообще-то говоря, можно было бы даже попытаться осуществить невозможное: на рациональной основе произвести ту реконструкцию главы, которая не удалась авторам публикации 1932—1933 гг. Конечно, можно. Но в таком случае мы получили бы не то произведение, которое дошло до нас, и не то, которое могли опубликовать только Маркс и Энгельс, а нечто вроде хрестоматии, составленной из текста рукописи в соответствии с ее общим планом. При этом неизбежно были бы нарушены некоторые существенные связи текста, отражающие логику исследования. Стоило ли это делать? Более чем сомнительно. Разве что в целях эксперимента. Но новая публикация первой главы «Немецкой идеологии» — это уже не экспериментальное издание.

Реконструкция общего плана главы, который представляет собой суммарное выражение общей внутренней логики всех составных частей рукописи и воплощает в себе общую структуру содержания рукописи, — это, если допустимо подобное сравнение, своеобразная «таблица Менделеева» первой главы «Немецкой идеологии». И подобно тому, как таблица Менделеева дала ключ к поискам неизвестных еще химических элементов и позволила предсказать их свойства, так и эта схема дает возможность предположить, каковы в общих чертах должны быть содержание и особенности тех двух фрагментов рукописи первой главы, которые до сих пор в ней отсутствуют. И если бы позволяло место, можно было бы на примере одного из отсутствующих фрагментов показать, что он собой должен представлять, почему он мог быть изъят из рукописи и где его следует искать. Но это особая тема.

Итог

Мы пытались проследить, как осуществлялось новое исследование рукописи «Немецкой идеологии», особенно с точки зрения его методологии. Мы можем констатировать, что в ходе этого исследования были использованы различные приемы и средства формальной логики и некоторые элементы логики диалектической. Сравнение, обобщение, индукция, дедукция, аналогия, гипотеза, анализ противоречий, различных связей и отношений, абстракция, конкретизация, исследование предмета в его развитии — таков неполный перечень средств, которые сознательно или бессознательно использовались в процессе работы. Но не только логика, интуиция также была необходимым компонентом исследования.

Размышляя задним числом о процессе исследования, мы пытались выявить его логическую структуру, расчленить его на последовательные ступени. То, что нам удалось таким путем получить, — это прежде всего скелет самого процесса, некоторая идеализация

действительного исследования. Ибо в действительности все было сложнее: логические умозаключения переплетались с интуитивными догадками, различные процессы исследования перекрещивались один с другим, различные стадии его не разграничивались столь резко, так что порой, например, формулирование и проверка гипотезы были не двумя последовательными фазами работы, а эти две фазы по крайней мере частично совпадали во времени. Все это следует иметь в виду.

Во всяком продуктивном исследовании, если оно достигает определенной степени сложности, используются более или менее полно средства, подобные перечисленным выше, безразлично, осознает это сам исследователь или не осознает. «Так как процесс мышления... является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени...»²⁷ В чем же тогда специфическая особенность рассматриваемого здесь исследования «Немецкой идеологии»? И почему результаты, полученные в ходе этого исследования, не были уже получены нашими предшественниками?

Изучением содержания «Немецкой идеологии» занимались многие выдающиеся исследователи, главным образом философы. Но почти никто из них не мог пользоваться и не пользовался рукописью. Многие марксоведы, прежде всего такой выдающийся специалист, каким был Веллер, занимались изучением рукописи «Немецкой идеологии». Но при этом они не исследовали достаточно глубоко содержание рукописи. Таким образом, до сих пор изучение содержания «Немецкой идеологии» и изучение ее рукописи развивались параллельно и независимо друг от друга. С одной стороны, преобладал умозрительный подход, с другой — чисто эмпирический.

В новом исследовании «Немецкой идеологии» была сделана попытка избежать односторонности того и другого подхода, сочетать анализ содержания с анализом рукописи, осуществить более конкретный тип исследования. В этом и заключается его специфическая особенность. Этот новый подход к исследуемому предмету и обусловил получение новых результатов.

Какие же результаты дало применение синтетического метода, представляющего собой единство анализа содержания и анализа структуры рукописи, в исследовании «Немецкой идеологии»? Резюмируем полученные результаты, перечислим основные. Во-первых, была уточнена датировка рукописи. Во-вторых, обнаружено то, что является специфически новым в «Немецкой идеологии», — открытие диалектики производительных сил и производственных отношений. Это конкретизирует определение места «Немецкой идеологии» в истории философии марксизма и уточняет наши представления о процессе формирования и развития марксизма в це-

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 461.

лом. Наконец, в-третьих, была доказана необходимость новой публикации и затем осуществлена новая публикация важнейшей первой главы «Немецкой идеологии». В этой публикации на основе исследования содержания рукописи и реконструкции общего плана главы было дано новое расположение и расчленение текста — адекватно структуре и содержанию рукописи. Мы пытались дать некоторое представление о том новом, более глубоком понимании теоретического содержания «Немецкой идеологии», к которому открывает путь новая публикация, хотя это и не было главной целью данной статьи. Но ни в специальной статье, ни даже в серии статей нельзя исчерпать всего объема информации, которую содержит в себе правильное расположение и расчленение текста Маркса и Энгельса, ибо потенциальный запас этой информации чрезвычайно велик.